

ПИОНЕР 3

1980

ВЕЛИЧИЕ МАТЕРИ

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
лауреат Государственной премии СССР

— Мамочка! — называл маленький Володя Ульянов свою маму, Марию Александровну.

— Мамочка! — Это слово звучало звонко и призывно, тревожно или радостно. И мама понимала, что малышу нужна ее помощь, ее участие в беде или радости. Спешила к нему.

— Мамочка! — нежно и ласково называл гимназист Владимир Ульянов маму. И теперь в этом слове слышалась готовность помочь.

«Дорогая мамочка!» — так начинаются, «Крепко тебя целую» — так заканчиваются все сто семьдесят сохранившихся писем Владимира Ильича Ленина Марии Александровне. А писал он матери из тюрьмы, из ссылки, из эмиграции еженедельно, невзирая ни на какую занятость. В этих словах, в этих письмах — сдержанная и глубокая сыновняя любовь, беспокойство о здоровье, желание облегчить одиночество, бесконечная благодарность за все и неутолимая жажда встречи. В письмах, которые проходили через цензуру, о главном ведь не расскажешь...

Более полувека с достоинством несла Мария Александровна Ульянова почетное звание Матери.

Вместе с мужем Ильей Николаевичем мудро и согласованно формировали они в своих детях характеры, нравственное и физическое здоровье, являя собой пример честности и трудолюбия, справедливости, активной доброты, прекраснодушия.

Мария Александровна была счастливой женой и матерью, как только может быть счастлива женщина, у которой подрастает шестеро крепких, дружных и способных детей. Рядом любящий муж, добрый и заботливый отец. Есть свой уютный и просторный дом. Жизнь скромная, но без нужды. Дома в изобилии книги и музыка, в саду — цветы. Семья почиталась во всей губернии за огоньки народных школ, которые засветил Илья Николаевич Ульянов почти в каждом селе.

Старость обещала быть спокойной, светлой. Но на пятьдесят первом году жизни шквал бедствий и несчастий обрушился на хрупкие плечи Марии Александровны. Злой рок с пристрастием испытывал стойкость и мужество маленькой женщины.

В январе 1886 года внезапно умер Илья Николаевич, и Мария Александровна осталась с шестерыми детьми, из которых ни один еще не стал на самостоятельный путь. Затаив свое личное женское горе, мать, никогда ранее не переступавшая порога казенных учреждений, начала хлопоты о пенсии, об оформлении для семьи потомственного дворянства. Это открывало детям путь в университет. Илья Николаевич получил право на дворянство за выслугу лет, но так и не оформил его.

Прошел хлопотливый год, и свалилась новая страшная и такая нежданная беда. Старшие де-

ти, Анна и Александр, учившиеся в Петербурге, были арестованы за участие в покушении на жизнь царя. И как вопль материнского сердца звучат отчаянные слова прошения Марии Александровны на имя императрицы: «Вашему величеству, как матери, вполне понятен весь ужас моего положения, то горе и отчаяние, которое невозможно выплакать слезами, рассказать словами...»

Императрица не ответила; у этой матери пятерых детей было волчье сердце. «О государь! Умоляю — пощадите детей моих! Нет сил перенести это горе, и нет на свете такого лютого и жестокого, как мое горе!» — молит Мария Александровна. Царь был лют и жесток. Сашу казнили...

И нет даже могилы, чтобы оплакать его. Друзья, родственники отвернулись. Теперь Мария Александровна была для них не вдова действительного статского советника — гражданского генерала, а мать «государственных преступников».

Дом продан... Иконы сданы в монастырь... Мать разуверилась в божьей и царской милостях, отреклась от них.

Теперь опора матери и старший в семье — Владимир. В дни, когда вершился суд над любимым братом, он сдавал экзамены за гимназию. Сдавал экзамены на мужество. Получил золотую медаль.

Семья переехала в Казань... Мать нашла в себе силы, чтобы выхлопотать для дочери замену ссылки в Сибирь высылкой в село Кокушкино... Но беда, говорят, не приходит одна. Через семь месяцев после казни Александра арестован Владимир, студент Казанского университета. Власти высылают его в Кокушкино. Теперь уже двое детей отбывают ссылку, находятся под надзором полиции. Два с половиной года Мария Александровна настойчиво добивается, чтобы сыну Владимиру дали возможность получить высшее образование. Ездит в Петербург. Не молит. Требует. И получает разрешение для сына сдать экстерном экзамены за юридический факультет.

Казалось, беды отступают. Но 8 мая 1891 года, в день четвертой годовщины казни Александра, смерть уносит любимицу семьи, талантливую девятнадцатилетнюю Ольгу.

В дни болезни и похорон сестры Владимир сдавал экстерном экзамены за университет, избрав уже себе профессию революционера. Защитил диплом с отличием. Но он не может оставить убитую горем мать и едет с ней в Самару.

У маленькой, хрупкой на вид женщины нашлись силы не только выстоять, но хватило зоркости, чтобы понять, что сыну Владимиру душно в Самаре, он рвется в революционный Петербург. Его не привлекает адвокатская практика, его интересуют не тяжбы отдельных лиц, а судьбы всего народа. Мать поняла, что отныне дело ее детей стало делом ее жизни, и пустилась с ними в долгий и нелегкий путь.

Девятнадцать арестов своих детей пережила Мария Александровна. Бывало и так, что в тюрьме оказывались сразу четверо. И тогда каждый день отправлялась мать в тюрьму с четырьмя узелками, часами простаивала в очереди к окошку, дожидаясь свидания в приемных. Без устали писала прошения.

Изучала хитроумные лабиринты царской юриспруденции. Не молила. Обоснованно требовала освобождения детей из тюрьмы. На прокурорские попреки: «Вот плоды вашего воспитания» — с достоинством отвечала: «Я горжусь своими детьми!»

Не могла только привыкнуть к ночным вторжениям полиции, и, когда уводили кого-нибудь из детей, перед глазами матери вставал образ Саши, его судьба.

Но, оправившись после потрясения, она снова начинала упорную борьбу за жизнь, здоровье и свободу своих детей.

Это был умный ходатай и искушенный конспиратор, отважно помогавший делу, которому служили все ее дети. Перелистываешь ее прошения и видишь, как мужала мать вместе со своими детьми.

Благодаря хлопотам матери Владимиру Ильичу удалось перед отбытием в ссылку задержаться на три дня в Петербурге и на два дня в Москве, чтобы провести совещания с социал-демократами, обсудить организационные и тактические вопросы. Мария Александровна добилась разрешения следовать Владимиру Ильичу в ссылку не по этапу, а за свой счет.

Когда Владимиру Ильичу необходимо было в 1900 году поехать в Нижний Новгород, Самару, Сызрань и Уфу, чтобы создать там опорные пункты для газеты «Искра», Мария Александровна отправилась из Подольска в Петербург, заявила полиции, что она едет в Уфу навестить свою невестку, Надежду Константи-

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

МАРТ 3

Москва 1980 г.
Издательство «Правда»

новну, и по состоянию здоровья нуждается в том, чтобы сын Владимир Ильич сопровождал ее. И такое разрешение получила.

Мать всегда была с тем из своих детей, кому она больше была нужна. Добровольно отбывала ссылку с сыном Дмитрием в Подольске, с дочерью Марией — в Вологде. А сколько тропинок протоптала она к тюрьмам! И где бы ни находились дети, им летели письма матери, полные бодрости, добрых советов, сдержанной ласки. Писем много. Их бережно хранили. Вот только ее письма Владимиру Ильичу утрачены. Возможно, между материнских строчек сестры и брат писали тогда Владимиру Ильичу тайнописью. А такие письма после проявления неизбежно уничтожались.

С огромным волнением всматриваешься в живой след руки матери. Написанные на полупрозрачных листках почтовой бумаги тонким, изящным почерком, почти без помарок (так писал и Владимир Ильич), письма поражают светлым оптимизмом, в них нет сетований, жалоб на болезни, они ласковы, но не сентиментальны, и... ни в одном письме нет упоминаний об Илье Николаевиче, о Саше, Оле. А ведь сердце матери кровоточило всю жизнь. И дети не касались этих ран. Удивительная душевная деликатность!

Многие листки в коричневых шрамах... Эти письма матери пытали в тюремных канцеляриях, они исполосованы и исхлестаны вдоль и поперек — это следы ядовитой кислоты, выявляющей тайнопись.

«Нагулялись досыта, — пишет Мария Александровна младшей дочери в тюрьму, — набрали по большому букету полевых цветов, хотелось бы мне очень отвезти свой тебе, но, к сожалению, там не берут цветов».

Да. В тюрьме не принимали цветов. Но именно эти строчки сплошь залиты кислотой. Бумага истлела, а кружевная вязь слов матери живет на пепле.

Мария Александровна часами просиживала в библиотеке, подбирая книгу, которая бы ободрила и духовно обогатила дочь. Посылает в тюрьму «Гимнастику Мюллера», учебники французского и английского языков, клубки яркой шерсти. «За вязанием не сиди слишком много. Хорошо маршировать по камере. Как велика она? Сколько шагов?» — спрашивает она дочь.

Рядом с ее детьми в камерах — их товарищи. И мать печет пирожки, чтобы хватило на всех.

Стукнуло шестьдесят лет... Семьдесят... А до старости еще далеко. Нельзя сдаваться, когда все дети в борьбе. Она знает, чем живут они, что их волнует.

«Володя задумал, вероятно, новую литературную работу, просит Маню похлопотать о книгах, о статистических сборниках. По этому вопросу было от него несколько писем в последнее время», — пишет она старшей дочери Анне 6 декабря 1909 года, а 24 апреля 1910 года сообщает, что ночью «пришли к нам «гости», перерыли все и, конечно, ничего не нашли, но увели Маню».

Марию Ильиничну через три дня за отсутствием улик освободили, и летит Анне радостная весть от матери из деревни Липитино:

«...я выспалась, как давно не спала. Вообще чувствую себя теперь прекрасно, отдыхаю душой после всех волнений... Ходили нынче утром в ближайший лес, и посидела там прямо с наслаждением: воздух в лесу прекрасный, особенно после пыльной и душной Москвы».

8 мая 1912 года Мария Александровна посылает тревожное письмо в Сызрань, брату Марка Тимофеевича — мужа Анны:

«В ночь с 7 на 8 мая нагрянула полиция, предъявила бумагу Охранного отделения с требованием арестовать Марка, Аню и Марусю, даже если ничего предосудительного найдено не будет... У Маруси один номер газеты «Звезда». Нагрянуло 15 человек, обыскивали с 12 ночи до 6 часов утра, все перерыли, снимали чехлы с мебели, развинчивали печки, искали в кухне, на чердаке. Аню забрали. Предупредите Марка».

На этот раз арестовали и дочь Марию. Определили ей ссылку в Вологду, и мать отправляется за ней следом...

Семья Ульяновых жила дружно. Бюджет был общий. Каждый делился своим заработком с другими братьями и сестрами. Но часто не бывало никакого заработка. Тюрьма. Пенсии Марии Александровны, конечно, не хватало. И тогда она бралась за перо. Переводила с французского и немецкого рассказы, печатала их в газетах и журналах.

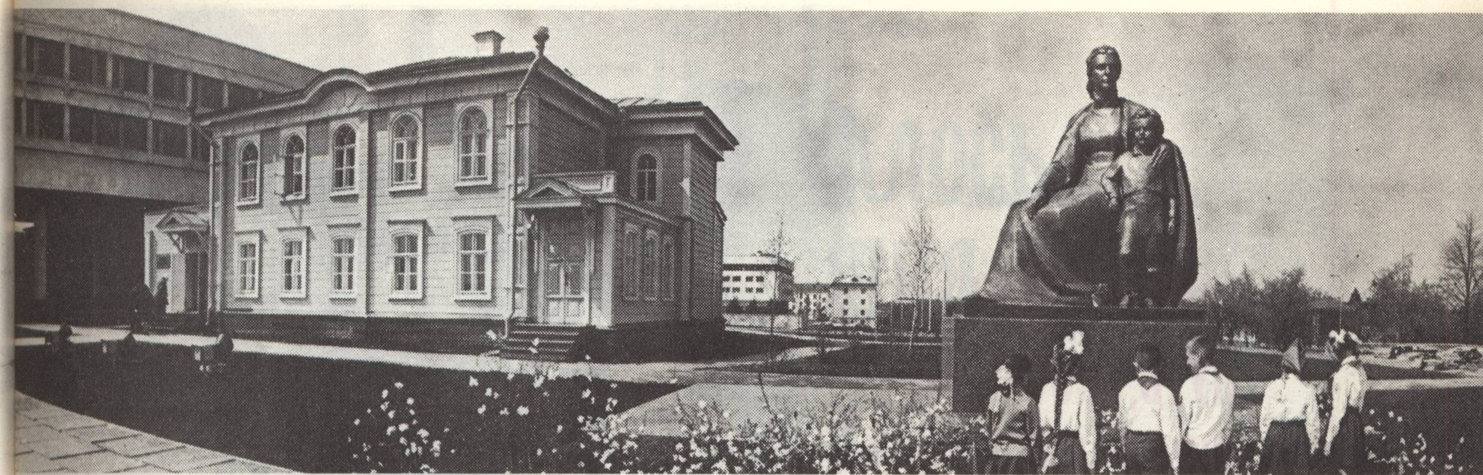
Исполнилось семьдесят пять лет... 1910 год. Почти три года не видела мать сына Владимира, вынужденного находиться в эмиграции за границей. В России он числился в розыске: «При обнаружении немедленно арестовать и препроводить в 27-й участок г. С.-Петербурга».

Мать и сын стосковались друг о друге. Владимир Ильич предлагает встретиться в Стокгольме — это ближайший пункт к России.

Владимир Ильич пишет:

«Дорогая мамочка!.. 4 сентября по стар. стилю, т. е. 17.IX по новому, жду вас в Стокгольме на пристани. Две комнаты на неделю 17—24.IX мне наймет в Стокгольме товарищ... Крепко обнимаю. До скорого свидания! Твой В. У.»

Стокгольм.

«Мария Александровна Ульянова с сыном Володей» — так называется скульптурная композиция, установленная во дворе Ленинского мемориального комплекса в Ульяновске.

Это была последняя встреча сорокалетнего сына и семидесятипятилетней матери.

Двадцать три года прошло со дня казни старшего сына Александра. Двадцать три года с тех пор, как она слушала его последнее слово на суде. Не дослушала. Отчаяние разрывало сердце — ушла. И больше никогда не ходила ни на митинги в революцию 1905 года, ни на собрания, где выступали ее дети. Не могла. А теперь попросила Владимира взять ее на собрание большевиков-эмигрантов в Швеции. Пошла по праву единомышленника, верного товарища.

Мария Александровна слушает доклад Владимира о положении дел в партии, о неизбежности революционного подъема в России и понимает, что Александр тоже шел к великой цели, но шел еще ощупью, многое ему не было видно. А сын Владимир идет широким шагом, уверенно, словно в руках у него яркий светильник. Александр рассчитывал победить царизм горсткой героев, Владимир ведет за собой миллионы. Мать поняла, что этот сын дойдет до цели. И что эта цель близка...

И снова в путь. К другим детям. Она им еще очень нужна...

В руках у меня паспорт Марии Александровны Ульяновой. Сорок одна прописка в нем за последние ее двадцать лет жизни. Сорок один раз переезжала она с квартиры на квартиру, из одного города в другой. И не страдала от этого... «Кочую я все это последнее время, ну, да все это пустяки», — пишет она дочери. Радовалась, если возле дома был клочок земли, начинала выращивать цветы. Сколько цветов она посадила в Симбирске, Кокушкине, Алакаевке, Самаре, в Саблине под Петербургом, в Вологде... И поселялась всегда в комнате, что была ближе к входной двери, чтобы первой встретить опасность, суметь предупредить своих детей.

Тихой, спокойной старости не было у этой матери, как, впрочем, не было и самой старости. Вглядитесь в фотографию: сколько доброты, мудрости, живого интереса к жизни в ее глазах.

У Марии Александровны не было ни одного бесплодно прожитого дня. Она умела вместе со своими детьми смотреть вперед, была их верным помощником и находила время, чтобы наслаждаться музыкой, хорошей книгой, радоваться цветам, солнцу. До последнего своего часа жила интересами своих детей. Умерла на восемьдесят втором году жизни 12 (25) июля 1916 года на даче, когда наливались соком яблоки в саду, поспевала рожь, когда до победы революции оставались считанные месяцы.

Отважная мать... Великая мать... Замечательная русская женщина...

И так знаменательно, что день рождения Марии Александровны Ульяновой почти совпадает с праздником 8 Марта. Мария Александровна родилась 6 марта 1835 года. 145 лет назад. А пришла к нам со своими детьми, с их нравственным кодексом из Будущего.

Мать всех матерей!

Народный поэт Дагестана, Герой Социалистического Труда Расул Гамзатов посвятил вдохновенные строки Матери в своей поэме «Берегите матерей». Эта поэма и его замечательная статья, опубликованная в «Комсомольской правде» 26 августа 1979 года, вызвали горячий отклик. Многие читатели выступили с предложением соорудить живой памятник Матери — создать национальный плодоносящий парк Материнской Славы. И заложить его к 150-й годовщине со дня рождения Марии Александровны Ульяновой в честь ее жизненного подвига, подвига Матери, давшей человечеству его гения — Ленина.

Фотография Б. ЗАДВИЛЯ.

Луис КОРВАЛАН:

«САМЫЙ ЧЕСТНЫЙ ПУТЬ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ИЗБРАТЬ ЧЕЛОВЕК,— ЭТО ПУТЬ КОММУНИЗМА!»

Луис Корвалан, Генеральный секретарь Компартии Чили, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», на встрече с советскими пионерами.

Мой юный друг!

Тебе, пожалуй, трудно представить, каким был мир в прошлом. Ты живешь в сегодняшнем дне, а мечтами устремлен в будущее. И все же постарайся представить! И тебе станет яснее, какие огромные произошли перемены. Влияние ленинской мысли, Октябрьской революции, а теперь и деятельности Советского государства ощутимы в каждом важном событии современности. Пробудились для борьбы за светлое будущее миллионы и миллионы людей на нашей планете. Четверть земного шара уже живет по справедливым законам социализма! Человечество обязано этим Марксу, Энгельсу и Ленину. Под знаменем их идей побеждали многие революции нашего времени.

Я познакомился с книгами Ленина после того, как в 1932 году вступил в ряды Коммунистической партии Чили. Первым ленинским произведением, которое я прочитал, была «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Эта книга помогла мне понять многие вещи. Прежде всего, что в революционной борьбе, в политике нужна широта. В то время мы нередко действовали в одиночку и поэтому страдали от «детской болезни»... Партия постепенно излечивалась от этого недуга, мы начинали понимать необходимость союза с другими демократическими силами, о котором писал Ленин.

Потом были другие книги Ленина, которые появлялись в Чили. Помню, какое огромное впечатление оказали на меня его брошюры «Что делать?» и «Две тактики» С этими ленинскими работами вам, ребята, еще предстоит познакомиться. А мы в те годы сверялись с ними, вырабатывая политику нашей партии.

В биографии Ленина поражает его беззаветная преданность делу пролетариата, его постоянное стремление к знаниям, к революционной борьбе и построению социализма. Если говорить о личных, человеческих качествах, то под стать величию свершений Ленина была его необыкновенная скромность. Вот почему кабинеты Ленина в Смольном, в Кремле и других местах, где он жил и работал, стали настоящей народной святыней.

Вам, юные ленинцы, предстоит продолжать борьбу старших поколений. К этому следует готовиться уже теперь. Надо воспитывать в себе ленинские черты характера, следовать заветам Ильича: быть скромными и бесконечно преданными благородному делу коммунизма. Надо крепить солидарность с борьбой пролетариата всех стран мира, потому что настоящий ленинец — это и убежденный интернационалист.

Это очень мудро, что советские дети и ребята в других социалистических странах учатся на примере жизни Ленина и его идей. Потому что самый честный путь, который может избрать человек, с какими бы опасностями борьбы ему ни пришлось столкнуться,— это путь коммунизма!

Вел беседу В. КУЧЕРОВ.

Владимир КРАСИЛЬЩИКОВ

ХЛЕБА ОСТАЛОСЬ НА ДВА ДНЯ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 1.

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

Вспомнился будто бы только вчера покинутый тихий городок Алешки в низовьях Днепра, отгороженный от мира песками, заросший абрикосами, сливой, черешней. Со всех концов притягивает к себе городских мальчишек переулок, ведущий к дому, где живет семья секретаря городской управы Дмитрия Павловича Цюрупы. Но не сам Дмитрий Павлович, рослый, могучий потомок галицийских кузнецов, интересует мальчишек. И не жена его, Александра Николаевна. Влечет мальчишек сюда Сашко, старший сын секретаря, сорванец и затейник. Пятки потрескались, залубенели — хочешь, по стерне бегай, по скошенным, сжатым хлебам; хочешь, по раскаленным на солнце каменным плитам редких здесь тротуаров. Весь в царапинах, ссадинах. Выгоревшие вихры вразлет, кожа на носу лупится. Что-что, а скучать с ним не будешь.

Вот собрал всю ватагу и повел на реку: искупались, «посидали в чолны», перемахнули разом на тот берег, опять купались, пока не посинели. Потом, согреваясь, носились и прыгали, как «Монтигомо-Ястребиный коготь». Потом Сашко объявил:

— Хлопцы! Кругом океан. Мы на необитаемом острове...

Засели с удочками в камышах, наловили сазанчиков, развели костер. Ох, ну и уха, что за уха удалась! Разве дома такую попробуешь? Правда, не мешало бы посолить ее. Да и ложками есть способнее, чем наскоро выструганными щепочками, но ведь зато — «на необитаемом острове». Хуже, несноснее, нестерпимее, что без хлеба. Плохо без хлеба даже на необитаемом острове.

На другой день залегли всей компанией в лесочке возле бахчи. Дождались, когда Осман-паша, обратившийся на сей раз в деда Панаса, прикорнет, опершись на кленовый дрючок, и — впереди всех Сашко:

— За мной! На штурм Шипки!

Похватали арбузы, а потом лакомились в лесочке, зарывали корки, чтоб «следопыт не набрел». И хотя дома, в огороде у каждого арбузы, девать некуда, все же таких сладких никто из хлопцев до сих пор не пробовал. Жаль только вот, что опять без хлеба, надо бы из дому прихватить. Верно мама говорит, что без соли не смачно, без хлеба не сытно...

Однажды Сашко с друзьями отправляется на древний чумацкий шлях. Идут мимо них обозы — телеги, фуры с вяленой рыбой, солью, дублеными кожами. Бредут черкасские быки, овцы, гарцуют чабаны. Скрип колес, запах дегтя и конского пота, пение старого цыгана, пыль-пылища до самого горизонта.

— Дядько! Вы куда? Зачем?

— За долей, сынку, за счастьем.

— Куда, куда?

— От несмышленыш! Неужели ж не ясно? За хлебом.

Может быть, впервые крупные серые глаза мальчика становятся задумчиво-грустными: и хочется туда, куда спешат эти люди, и жаль их почему-то, и чуть-чуть обидно оттого, что никто из них тебя не знает и никогда о тебе не вспомнит, и еще оттого, что, кроме тебя, на земле много-много людей, а кроме Алешек, много-много других городов, где ты никогда не был и, может, не побываешь за всю жизнь.

Здесь, на большой дороге с ее многолюдством, думалось невольно о том, как, приходя со службы, отец жалуется матери за обедом:

— Сорок процентов крестьян нашего богом спасаемого уезда — безземельные, живут впроголодь, от корки до корки.

«Безземельные... Впроголодь...» — повторяет про себя Сашко страшные слова, и так жаль становится крестьян, что живут впроголодь, так хочется, чтоб у всех людей в разных городах и селах, в дальних странах за морями-океанами, — у всех, у всех была бы земля, было бы вдоволь доброго хлеба — и житного, и ситного, и какого захочешь.

— Пап, — грустно, с неизъяснимой надеждой

спрашивает Сашко.— Почему они безземельные?

— Потому что людей на свете много, а земли-хлеба мало.

— Мало? Как же так? Почему же тогда у пана Скадовского земли-хлеба так много — некуда девать?

— «Почему»! «Почему»! — Отец усмехается и смущенно косится на мать. Потом снова обращается к сыну: — Вырастешь — узнаешь.

Узнать довелось гораздо скорее, чем ожидал... Вот уже стоит он перед франтоватым, благоухающим следователем и, хотя сквозь зубы, но отвечает на вопросы.

— Окончив начальную народную школу, вы были определены в городское четырехклассное училище? Так? Затем ваши батюшка и матушка решили переехать в Херсон? Почему? Объясните, пожалуйста.

— В Алешках не было ни гимназии, ни реального училища.

— Так. Вскоре после переезда в Херсон родитель ваш, Дмитрий Павлович, скончался, царство ему небесное. На какие средства существовала семья после кончины родителя: пятеро ваших братьев и две сестры?

— Мама шила белье на заказ. Мы, старшие, помогали ей.

Юный Цюрупа уже не слышал следователя. Он видел мать. Вот она вернулась домой — разрумянившаяся от мороза. Но что с ней? Места не находит, плачет... Обронила в сугроб всю получку — все двадцать копеек. Долго тянулась та памятная ночь. Наутро вместе с мамой перелопатили, разрыли снег во дворе. Мама только приговаривала: «Ищи, как хлеб ищут». Нашли двугривенный в сугробе, как иголку в стоге сена.

Что он там бормочет, этот следователь? А! Спрашивает:

— Если не ошибаюсь, в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году вы успешно сдали вступительные экзамены в херсонское сельскохозяйственное училище? И, если не ошибаюсь, показав себя по всем предметам весьма и весьма примерным учеником, вы, однако же, неизменно удостаивались тройки за успехи в законе божьем? Да. Именно тройки, никак не выше. Разве не в вашу ведомость отец Афанасий занес: «Уклонение от посещения богослужения». Запамятовали? Рассеянный молодой человек! Или это не вы интересовались запрещенной книгой под названием «Манифест Коммунистической партии»? Ну, разумеется, не вы! И, конечно, не вам господин Осадчий, высланный сюда к нам за революционную деятельность, подарил «Капитал» Карла Маркса с такой надписью? Это же вам адресовано — посвящение, так сказать, напутствие в жизнь. Ну-с? Я жду. Извольте прочесть... Может быть, вы стыдитесь?

— Стыжусь? Отчего же? Пожалуйста... «Задача гражданина и борца заключается в служении обездоленным и бесправным классам — рабочим и беднейшему крестьянству».

— Та-ак! Заметим: «борца». Против кого борца, позволительно будет спросить? Против существующих установлений? Самого, страшно подумать, государя? Что же вы молчите, господин борец? Это же не вы собрали политический кружок — одну из первых возмутительных организаций в Херсоне и в уезде? Не вы редактировали журнал «Пробуждение»? Кстати. Я, разумеется, понимаю, что вы забывчивый молодой человек, но не припомните ли, кто написал вот это? Вот: «Вы ради удовлетворения своих прихотей ни перед чем не останавливаетесь. Никто вас не в состоянии удержать от грабежа. Вы на трупах братьев строите себе дворцы, у вас не станет поперек горла кусок хлеба, отнятый у забитого, бессильного перед вами труженика... Нет для вас пощады, нет и достойной кары». Не припоминаете, кто это написал? «Нет для вас пощады, нет и достойной кары»... Да-с...

Чумацкий шлях, отец Афанасий, жандармский следователь... Какие еще прошел «университеты»? Еще — суд. Въедливый, дотошный прокурор, помнится, спросил его не без ехидства:

— Каким же образом, студент Цюрупа, вы хотели совместить занятия агрономией с революцией?

— А разве это несовместимо? Покончим с тем строем, который вы защищаете, займемся землей-хлебом, и знания агронома очень пригодятся.

— Оч-чень хорошо-с! Отправляйтесь-ка для начала в каторжную тюрьму. Там, бог даст, наберетесь еще более полезных знаний...

«Отсидки» в тюрьмах чередуются с работой на воле, и снова аресты. В конце тысяча восемьсот девяносто седьмого года Александр Цюрупа перебирается в Уфу, входит в общество ссыльных революционеров, ребят горячих, решительных, рвущихся к делу. Споры, хлопоты — трудная организация первого марксистского кружка рабочих. А там наступает девяносто восьмой год — рождается партия, и Александр Дмитриевич — в ней, в партии, с первого ее дня.

А домик?! Дом, тот самый дом на углу Бекетовской и Приютской... Разве его забудешь? Закроешь глаза и видишь его. Там жила Маша, в те далекие годы еще не Цюрупа, а Резанцева...

И вот наконец встреча с Ильичем. Молодой, стремительно порывистый, сильный своей убежденностью, глубоким, основательным знанием, брат Александра Ульянова, казненного недавно за покушение на царя, вошел в кружок уфимских революционеров. Расшевелил всех. Заставил больше думать, дальше смотреть, разумнее действовать.

Девятисотый год, одиннадцатое декабря, — выходит первый номер ленинской «Искры».

Надо перевозить нелегальную революционную газету из германского города Лейпцига, потом из Мюнхена через границу в Россию. Надо помогать редакторам «Искры» хорошо

Юный Цюрупа уже не слышал следователя. Он вспомнил мать.

знать то, что делается на родине. Все это и делает Александр Дмитриевич Цюрупа. Он один из агентов «Искры», как прозвал Ильич своих верных помощников, — стойкий искровец, искряк, на которого можно положиться.

Ленин посылает Цюрупу в Харьков — укрепить тамошнюю революционную организацию. По дороге Александр Дмитриевич заезжает к матери. Непривычно тихо и пусто стало в родном доме. Мама заметно сдала, осунулась. Но, как всегда, проворно и сноровисто принялась за дело: испекла пышные, высокие, как куличи, хлебы, пироги с капустой, с ливером, выставила на стол бог весть как добытое сало — настоящее, малороссийское, с чесноком, розовое, в ладонь толщиной. Напоила душистым вишневым взваром. И смотрела, смотрела на сына, сидя против него, подперев голову ладошкой, слушала его рассказы о скитаниях, о житье-бытье. Наконец решилась, высказала заветное:

— Жил бы ты с нами, Саша! Одни мы с Аннушкой да Соней остались. Егор в Петербург уехал — учиться. Виктор опять в дальнем плавании. Коля с Левкой так же, как ты. И не знаю даже, где, в каких краях теперь: нелегальные... — Она посмотрела с надеждой, с тоской и тут же отвела взгляд.

Сын по-прежнему молчал. Да и что мог он ей ответить? Разве может он жить там, где хочет, делать то, что хочет? Он человек партии. И мать это хорошо знала и не ждала ответа: попросила просто так, чтобы отвести душу. Она помолчала и, снова подняв глаза, спросила, как бы наперед зная ответ:

— Стало быть, навсегда выбрал долю? От души? По совести?

«От души... По совести...»

Как-то раз после очередной сходки тамбовской революционной молодежи к Александру Дмитриевичу подошел стройный, прямой человек, стриженный жестким бобриком.

Безлунной ночью вдвоем с новым знакомым они мчатся в возке, запряженном тройкой рысаков-богатырей.

— Спасибо, — сказал он, неожиданно легко улыбнулся, прищурил узковатые, слегка раскосые глаза. — Хорошо говорили вы о той бедности, что для нас проклятье, что век за веком не пускает нас, не дает нам сделаться тем истинно великим народом, каким мы рождены. Должно быть, вам самому хорошо знакомы и бесхлебье и бедность?

Нельзя было не ответить радушием на радушие. Александр Дмитриевич тут же рассказал, как в детстве мать отшлепала его за то, что он выбросил недоеденную корку.

— Она шлепала меня и приговаривала: «Грех великий — хлеб выбрасывать, самый тяжкий грех. Бог увидит — не простит. Хлеб — дар божий, судьба твоя и моя, и доля, и счастье...» А другая выволочка досталась мне за то, что я крикнул дворницкому мальчонке: «Эй ты, подвальный житель!» Опять мама, надо сказать, довольно ощутительно шлепала меня, опять приговаривала: «Не смей смеяться над бедностью! Не смей!» При этом надо заметить, что отец мой получал на шесть рублей больше дворника.

Вдруг в комнату, где собрались молодые революционеры, донесся возглас:

— Облава! Жандармы!

Темной, безлунной ночью вдвоем с новым знакомым они мчатся по степи в ладном гулком возке, запряженном тройкой рысаков-богатырей. Все вокруг будто бы замерло, притаилось, а может, и нет ничего вокруг — только двое в этом звенящем безлюдье, во всей вселенной? Лишь кони всхрапывают, да колеса гремят по укатанному большаку.

Спутник-возница крепко держит натянутые вожжи, говорит о том, какой могучей и обильной видится ему родина, одолевшая бесхлебье и бедность, ставшая во главе просвещенного мира. Ради этого не то что труда, не то что здоровья, а и самой жизни не жаль.

«Не жаль», — соглашаясь с ним, думал Цюрупа. И уже не чудилось ему, будто они вдвоем посреди вселенной. В смутном сумраке проносились мимо силуэты хат по обеим сторонам дороги, ивы-исполины над живой гладью пруда, колодезные журавли, вспоровшие бездонное равнодушие слепого неба. Где-то далеко-далеко стойко мерцал костер. А вон и другой! И третий... Должно быть, мужики пахали землю или сеяли под зиму хлеб?

Лошади остановились у подъезда господского дома, освещенного газовыми фонарями. К тарантасу подошел слуга:

— Заждались вас, ваше сиятельство!

«Сиятельство?! — Александр Дмитриевич насторожился. — Уж не провокация ли все это? Куда он меня привез? Не ловушка ли? Кто он?»

Далеко от родовитых предков ушел молодой князь Кугушев. Отец в его годы воевал за царя-батюшку, брал в приданое за невестой золотые прииски, прикупал несколько тысяч десятин земли. А сын... отказывается от военной службы, вступает в революционную «Землю и волю», мечтает о светлом царстве разума и свободы для всех.

Познакомились поближе. Сошлись покороче. Подружились. Даже породнились: Аня, сестра Александра Дмитриевича, вышла за молодого князя Кугушева. А тем временем тамбовские полицейские с ног сбились. Где Цюрупа? Как в землю зарылся!.. Кто бы мог подумать, что опаснейший революционер служит... управляющим в имении «Отрада» князя Вячеслава Александровича Кугушева? Как так? А вот так: он же агроном, этот Цюрупа.

Снова знакомая, отвратительная процедура ареста. Понятые. Обыск. Белье, пеленки, вы-

тряхнутые из шкафов, вывернутые из сундука. Книги, которые ты не позволял брать никому, растрепанные, униженные, словно бы выпотрошенные, на полу.

К тому времени уже рос у Александра Дмитриевича его первенец, названный в честь деда, — Митька, Митюшка. Только что родился второй — Петенька. Он же, отец Митюшки да Петеньки, опять угодил в тюрьму. А там скорый суд и расправа: с семьей — с женой, малыми сынишками погнали в ссылку.

Что было потом?.. Второй съезд партии. Трудная борьба, уже в ссылке с меньшевиками, которые не хотели, чтобы партия была революционной, и мешали ей. Наконец освобождение по случаю того, что родился наследник царского престола. Там и тысяча девятьсот пятый год недалеко — первая русская революция. Новая встреча с Лениным — новое задание. И вскоре уже в другом имении князя Кугушева — под Уфой — появляется новый управляющий. Рассудительный, практичный, работящий, он ставит дело на широкую ногу. Покупает новейшие заграничные машины, химические удобрения. Ревностно следит, чтобы пахали-сеяли как следует, оставляли на племя лучших быков, коней, баранов, вовремя вывозили на гречишные поля пчелиные ульи, берегли навоз для земли...

Урожай и доходы растут. Но ни князь Вячеслав Александрович, ни супруга его Анна Дмитриевна, ни тем более управляющий не позволяют себе ничего лишнего. Управляющий поднимается до зари. Молодцеватый и загорелый, он умывается колодезной водой, торопливо, с удовольствием, завтракает, легко вскакивает на гнедого Булата и — айда в поле! К людям справедлив, но требователен и о каждой хозяйской копейке печется, как о своей кровной.

Куда же все-таки деваются деньги? И что за люди то и знай наведываются в имение? Ответ в обстоятельном доносе полицейского шпиона: в имении «Вячеслава Александровича князя Кугушева существует партия социал-демократов, к которой принадлежат: управляющий имением Алекс. Дм. Цюрупа, крестьянин из села Булгаково Чугунов и ихний объездчик Иван Кондратьевич Шустров... В. А. Кугушев и управляющий его А. Д. Цюрупа ездили в Уфу...»

Нет, не все — далеко не все! — разнюхал шпион. Засечь-то засек, но... Зачем ездили? Если б дознался, что они там встретились с представителем Центрального Комитета большевиков и передали на нужды партии несколько тысяч рублей — почти весь доход с княжеского имения...

Наступает Октябрь семнадцатого года. Александр Дмитриевич Цюрупа устанавливает Советскую власть в Уфе и в губернии. С первых дней Революции враги ее жгут склады зерна, взрывают мосты на дорогах, по которым идет хлеб, поднимают кулацкие восстания. Добывать хлеб труднее, чем сражаться с винтовкой в руках. Ленин озабочен: кому доверить хлеб Революции? Выбор останавливается на Александре Дмитриевиче Цюрупе...

А как Александр Дмитриевич отнесся к назначению его народным комиссаром продовольствия в самый напряженный, решающий момент Революции? Вспомнилась голодовка заключенных в шацкой тюрьме. Навязчивые мысли о еде, голодные видения, сны. С какой жадностью представлял он кусок хлеба, который когда-то мать отдала нищему! Потом не стало сил одеться, обуться. Потом товарищ по тюремной камере сошел с ума...

Александр Дмитриевич страшился голода всегда — страшился за детей, за себя, за страну. Лучше бы на фронт, чем изо дня в день ломать голову над тем, как прокормить громадную, истерзанную войной, замерзающую страну!

Однако партия поставила его не на какой-нибудь, а на этот пост, приказала: «Стань впереди. Выдержи». И... глаза страшатся, а руки делают. Первые, самые грозные, самые тяжкие удары он принимает на себя. На собственном горле чувствует, как сжимается «костлявая рука». Чувствует, но отрывает ее, бьется с ней, воюет не на жизнь, а на смерть.

Труд и хлеб, труд и хлеб... Да здравствует труд и хлеб!

* * *

Он встал, зажег лампу: Валя не спала. Увидал себя в зеркале. Оттуда смотрело усталое, исхудавшее лицо: усы будто бы пореже стали, посветлели. Под глазами синева. Морщины. Н-да, ничто так не старит, как годы. Хотя какие уж, впрочем, годы? Другие вон и в шестьдесят и в семьдесят молодцом, а ему всего сорок восемь.

На тумбочке лежало предписание доктора, где сказано, что и сердце, и желудок, и легкие у наркома — никуда. Запрещается есть тухлую рыбу, курить и так далее. Неужто это тот самый ссыльный поселенец, что, кажется, совсем недавно ходил на медведя в дремучих карельских лесах, спорил с местным дьяконом о смысле жизни, добывал для крестьян сортовые семена — пусть будет у них добрый хлеб?

Вспомнилось, как белой летней ночью в окошко домика, где жили они с Машей, Митюшкой и Петей, постучали. «Батюшки! Князь Кугушев!» Избитый, оборванный, закованный в кандалы, с провожатыми жандармами. Так владелец имения пожаловал в ссылку вслед за управляющим...

Что это, однако, в голову лезут воспоминания? Говорят, человек вспоминает свою жизнь перед смертью. Брр! Что-то холодно стало... Александр Дмитриевич притворил распахнутое настежь окно, постарался не думать о смерти, заставил себя отвлечься от этих мыслей, вновь вообразил Кугушева.

В ссылке князь долго не задержался. Вскоре

после его приезда пришла весть о том, что партии срочно необходимы большие деньги. Как быть? Где взять? Находясь за тысячи верст от Тамбова, князь ухитрился с помощью одного из братьев Цюрупы продать тамошнее имение и передать вырученные тысячи Центральному Комитету.

Потом Вячеслав Александрович выпросился искупаться и половить рыбку в том самом озере, что неподалеку от границы. Когда стражники хватились, по озеру плавали перевернутая лодка, весла да удочки, а на берегу лежали одежда и сапоги. Утонул? Разве такой утонет?! Бежал за границу.

Находчивости, изобретательности, дерзкой решимости князя можно позавидовать. Ленин высоко ценил его и ценит. Не случайно именно его, князя Кугушева, Ильич послал в Уфу спасать оставшиеся там семьи большевиков, и среди них семью Цюрупы.

Хотя Вячеслав Александрович и получил нужные документы, хотя и договорились с колчаковским командованием об обмене заложниками, трудно представить, чего стоило перебраться через фронт, пройти буквально сквозь стену озверевших белогвардейцев, попасть в Уфу, повести там переговоры... Не князь Кугушев, а граф Монте-Кристо! Как ухитрился? Непостижимо. Это его, Вячеслава Александровича Кугушева, труд и хлеб.

Александр Дмитриевич выглянул в окно, распахнув его снова. Перед ним лежала угомонившаяся Москва: Охотный ряд, Манеж, трамвайные пути на Красную площадь. Нигде ни единого человека — ни души. Только мерный цокот копыт по булыжнику.

Ага! Вот и лошадь. Фура под охраной красноармейцев. Как будто ночной дозор... Другая телега. Еще! Хлеб везут в булочные. С соломой, со жмыхом, с опилками — какой есть, но хлеб! А может, из Филипповской пекарни детский? Все еще спят, а пекари давно уже на вахте: хлеб идет.

Хлеб идет...

Представилось, как далеко-далеко отсюда, за седыми, закопченными куполами Кремля, за белесой дымкой летней ночи, по затихшей, затаившейся в предрассветной истоме Волге плывет на север караван. Притушены огни на баржах. Прикорнули на мешках бойцы. Но не спят часовые, не спят вахтенные у штурвалов, настороженно вглядываются в обманчиво спокойные берега. Пыхтят, отдуваются буксиры, и дымные, тяжкие вздохи их стелются в безветрии по водным просторам, всполошенным нетороплививыми волнами:

«Хлеб идет! Хлеб идет! Хлеб идет!»

А там, дальше, в осажденном, отрезанном Царицыне, сбиваются с ног, спозаранку спешат по зыбким трапам-настилам горластые грузчики.

Александр Дмитриевич улыбнулся:
— Что там, Софья Григорьевна?
— Вот, новые телеграммы.

Спешат, поворачиваются, хрипло поторапливают, погоняют друг друга лихим словцом: давай, давай, не зевай, пошевеливайся. Живым, ни на мгновение не затихающим потоком сыплется в необъятное брюхо баржи золотое зерно. Сыплется, чтобы стреляли красноармейцы и не плакали от голода дети, чтобы стояла, высилась красная Москва и жила, не сдавалась Революция. Сыплется, чтобы вырвать из вражеских лап — освободить Машу и детей народного комиссара.

Хлеб идет...

Александр Дмитриевич лег в постель, повернулся лицом к стене и тут же заснул.

* * *

Народный комиссар продовольствия еще больше осунулся — просто кожа да кости. Седина с висков, казалось, стремится охватить все волосы. Только усы, небольшие — скобочкой, воинственно щетинились, когда он поджимал губу, старательно записывая, сколько пришло хлеба. Жадно выжидал, подстерегал противника и ловил, выхватывал у него новые и новые пуды, вагоны, баржи.

Одна за другой копились на рабочем столе — в особой стопке — телеграммы: «...Тридцать барж...», «Пятьсот вагонов хлеба...», «Четыреста голов скота...».

«Маша! Где ты? Что с тобой? Ведь мы скоро увидимся, правда? Что бы там ни случилось! Все будет хорошо. Хо-ро-шо... Как удивительно поворачиваются, переплетаются судьбы! Чтобы освободить Машу с детьми там, в Уфе, — надо сюда, в Москву, в красный Питер, во многие, многие другие города, охваченные, сдавленные кольцом фронтов, слать и слать хлеб».

Поглощенный работой, Александр Дмитриевич не успел по-настоящему и порадоваться, когда через несколько дней советским войскам удалось отбить у белых станцию Алексиково. Хлеб — иного слова не подберешь — повалил по трем направлениям: напрямик из Царицына, из Саратова, из Камышина.

«...Четыре маршрутных поезда под литерами «Н», «О», «П» и «Р» — сто вагонов зерна и двести голов скота...»

«Еще четыре маршрутных поезда — «С», «Т», «У», «Ф» — и сборный состав номер двести одиннадцать...»

«Х», «Ц», «Ч», «Ш», «Щ»!..

— Алфавита не хватает! — Александр Дмитриевич улыбнулся, бережно отложил телеграмму, поднял взгляд: — Что там, Софья Григорьевна?

— Вот, новые телеграммы.

— Скорее их сюда! Ну-ка, что там? «Восемнадцать цистерн бензина», «Три цистерны подсолнечного масла, два вагона кофе, пять вагонов груш, тридцать пять вагонов сена...».

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Михаил БЕЛЯЕВ

В сентябре 1979 года в Шушенское приехали советские и зарубежные писатели на творческую конференцию, посвященную 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Над рекой Шушей писатели заложили Парк дружбы. Я вместе с шестиклассницей Ларисой Селезневой посадил молодой кедр. И об этом событии мне захотелось рассказать в стихах.

КЕДР

**Юный кедр!
Я его держал на руках,
Посадил над Шушей!
И родным он отныне стал,
Закаленный сибирской стужей.**

**С шестиклассницей ждал меня,
Чтоб костром завязалась память.
В землю влил его корни я —
Пусть текут в ней
И в зной и в зáмять [1].**

**Протекут в глубину веков,
Чтобы женщины
Светлооко
Приводили к нему сынов,
А сыны —
Ста ветвей потомков.**

**Он
На ленинский встал простор
И взрослеть,
И свой нрав топорщить
И морозам наперекор,
И кремневой глубинной толще.**

**Он в себе запечатать смог
С белым жаром
Сентябрьским солнца
Шестиклассницы говорок
И мой голос степной
Орловца.**

**Будет кольца годов копить,
Годы жизни вмещая в кольца.
Будет он
Кольцом дорожить,
Где наш говор совместный
Льется.**

**Будут люди
Дышать под ним
Красотою его былины,
Будут слушать,
Как говорим
В глубине
Его сердцевины.**

[1] Зáмять — метель, вьюга.

«Не мое, а наше, не для себя, а для всего общества»

И. ХРИСТОВАЯ,
редактор отдела
коммунистического воспитания

Знакомые всем слова. В них — принцип нашей жизни, завещанный нам Владимиром Ильичем Лениным.

В одной московской школе мы попросили ребят-пятиклассников взять чистые листы бумаги, ручки и подумать, что же значат для них эти слова, что значат они для тебя и для меня, для каждого советского человека?

По-разному написали ребята. Берешь один листок — исписан аккуратно от начала до конца. Все в нем правильно, гладко, а читаешь и огорчаешься. Повторил человек двенадцати лет чужие слова, слышанные по радио, читанные в газетах, и не дал себе труда над ними задуматься. А на другом листке всего три строчки, неуклюжих и неровных. Вот как у Димы Короткова:

«На первый взгляд все в этих словах ясно и просто. Но когда начинаешь думать, то оказывается, что все это очень сложно. Ведь сказать слова — это одно, а жить по ним — другое...»

Читаешь и видишь мальчишку с серьезными глазами, задумчиво сидящего перед белым чистым листом бумаги. И пусть к концу урока на этом листке появятся всего три строчки, все равно мы знаем: за этот час произошло очень много — человек думал, размышлял. Ему мало было повторить чужие слова, чужие мысли, хотелось найти свои.

Вот сочинение девочки по имени Лена:

«Мы были в гостях у рабочих на фабрике елочных украшений. Каждому из нас подарили там игрушку — елочные блестящие шары. А на следующий день в нашей школе должна была быть ярмарка. Товары на этой ярмарке — сувениры и поделки, сделанные ребятами. Вырученные от ярмарки деньги мы хотели отдать в Фонд мира.

И вот кто-то предложил: давайте отдадим эти

шары для ярмарки. Все согласились. И я согласилась. А потом... Потом мне стало вдруг жалко свой шар. И я потихоньку оставила его себе.

Ярмарка наша прошла отлично. Но я почему-то не могу эту историю с шаром забыть. Подруга сказала: «Не расстраивайся. Подумаешь, ерунда — один шар, никто в этом Фонде мира и не заметит, что его нет». Но только мне кажется, что это не ерунда».

Вот такое происшествие. На первый взгляд маловажное. Но почему девочке Лене, которая о нем написала, так тревожно? Дело, конечно, не в том, что в Фонд мира, деньги которого расходуются на помощь голодающим детям, на строительство больниц и школ, не поступило лишних двадцать копеек. Столько бы, наверное, стоил этот блестящий елочный шар на школьной ярмарке. Дело в другом...

У каждого человека, сколько бы ему ни было

лет, бывают в жизни моменты, когда он должен решить, что важнее: мои заботы или заботы других людей, всей страны, даже, если хотите, всего человечества. Можно помучиться и решить: я — важнее, и отгородиться от чужих забот невидимым заборчиком. И тогда окажутся по одну сторону этого заборчика девочка Лена со своим блестящим шариком, а по другую — голодные ребятишки из какой-нибудь кампучийской деревни. Шарик елочный действительно ерунда — в Фонд мира поступают из всех уголков нашей страны сотни тысяч рублей. А вот то, что девочке Лене не стало горько и больно за тех ребят, — это уже не ерунда. Это — происшествие.

Значит, мог появиться на свет первый камень того невидимого глухого забора, которым отгораживается человек от чужих забот, чужого горя. Мог появиться, но не появился. Ведь когда читаешь рассказ Лены, понимаешь, что написал его хороший человек, который сомневается, и думает, и хочет стать лучше.

А вот другой лист бумаги, совсем другой рассказ...

«Попросила я у своей соседки по парте чистую тетрадь, а она не дает. Вот и неправильно она поступает. Ведь у нас закон какой? Не мое, а наше...»

Вроде бы правильно человек написал. Да, пожадничала соседка. А жадиной быть — чего уж тут хорошего... Но только как ловко, удобно все повернуто: наше — это, мол, прежде всего для меня.

Из всего того огромного и важного, что заключает в себе наш закон, человек уяснил лишь один мизерный, удобный для себя пунктик. Удобно и просто. И избавляет от забот о чистых тетрадях, о том, чтобы к уроку ученик, как любой хороший рабочий, приступал в полной готовности.

И как знать, может, вырастет из этой девочки человек, который всю жизнь будет на все в нашей жизни смотреть только с точки зрения своей личной пользы. А то, что и он должен жить и трудиться для других, так и останется для него тайной за семью замками. К несчастью, не только для нас всех, но и для него самого.

Однажды в командировке в одной казахстанской школе я познакомилась с ребятами из производственной бригады. И вот какую историю они мне рассказали. Совхоз доверил ребятам большой участок земли. Около двадцати гектаров. По их же собственной просьбе. Сами они должны были засадить его овощами, сами ухаживать, сами собирать урожай.

Наступило лето. Каждому мальчишке, каждой девочке, живущим в селе, понятно, что такое сельское лето да еще лето казахстанское, знойное, засушливое. Все рабочие совхоза, все взрослые с утра до глубокой ночи в поле. Передышек нет. А дома ведь тоже остается хо-

Рисунки А. БОРИСОВА.

зяйство. И корова, и куры, и огород, который каждый день поливать надо. И тут ребята родителям первые помощники, на кого еще взрослым хозяйство домашнее оставить, как не на них.

И вот некоторые родители запретили своим детям работать летом в производственной бригаде. У нас, мол, со своим хозяйством хлопот хватает, пусть лучше дома работают, тут уж не до школьно-производственных огурцов, не до свеклы...

Так оказались ребята между двух огней. И мама вроде права: не оставлять же корову недоеной, без нее в сельском доме не обойдешься. Да и потом с мамой ссориться — последнее дело... И правы друзья, которым за тебя в школьном огороде отдуваться (попробуй-ка выполни в казахстанский жаркий день две нормы вместо одной). Тебе поручено дело, за которое ты отвечаешь перед всеми. Погибнет школьный урожай оттого, что ты дома сидишь, значит, будет зимой в совхозной столовой меньше овощей — всем хуже. Тут уж не на бумаге пришлось размышлять, что же это значит — «Не мое, а наше, не для себя, а для всего общества».

Надо сказать, что ребята и взрослые придумали тогда выход из этого положения. Составили такой график работы звеньев и смен, что ребята и дома успевали помогать и на школьном огороде порядок был.

И купаться успевали, и песни сочинять, и танцевать по вечерам в своем лагере труда и отдыха до упаду.

Но важно не это. Важно — ни один из тех ребят, которым родители хотели запретить работать в бригаде, не махнул тогда на бригаду рукой, не сказал: «А, ладно, без меня обойдутся... Сначала мое, а потом ваше».

Нет, они считали иначе. И родители с ними согласились. Ведь никому из тех пап и мам не пришло в голову оставить самим ради личного хозяйства совхозное поле — нарушить принцип нашей жизни. А вот на детей родители подчас не распространяют те законы, по которым сами живут. Думают, вот станут взрослыми, тогда и будут ответственность за свои поступки нести. А откуда же этой ответственности взяться, если с детства ей не учиться?

Мы вспоминали с ребятами эту историю, сидя долгим зимним вечером в пионерской комнате.

И они говорили наперебой, и улыбались, и напевали любимые свои песни. И не было среди них человека, который бы, к несчастью для себя и для нас всех, чувствовал себя лишним, обиженным или ненужным.

С первых дней Советской власти слова «Не мое, а наше, не для себя, а для всего общества» были главным принципом нашей жизни. Каждая страничка истории: стройки первых пятилеток, война, покорение целины и космоса — убеждают нас в этом.

А твоему поколению — бережно принимать и сохранять эту традицию дальше.

Приближается всенародный праздник — 110-я годовщина со дня рождения вождя революции Владимира Ильича Ленина. В этот радостный день сотни тысяч октябрят произнесут слова Торжественного обещания:

«Я (фамилия, имя), вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия, всегда выполнять Законы пионеров Советского Союза».

Коммунисты и комсомольцы, старшие пионеры повяжут им красный пионерский галстук, частицу красного знамени, и приколют пионерский значок. На призыв: «Пионеры, к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!» — они ответят: «Всегда готовы!» — и отдадут пионерский салют.

С этого памятного на всю жизнь мгновения они станут пионерами, юными ленинцами Страны Советов.

Задолго до этого торжественного дня старшие пионеры, вожатые октябрят, знакомят ребят с историей пионерской организации, пионерами-героями, с делами пионеров наших дней. Они объясняют им, когда и почему пионерской организации присвоено имя Ленина, за что она дважды награждена орденом Ленина. Пионеры знакомят октябрят с Законами юных пионеров, разъясняют смысл Торжественного обещания, девиза, салюта, символов пионерской организации — галстука, значка, Знамени дружины и флага отряда. И, конечно, читают интересные книги о пионерах и их делах, разучивают пионерские песни — «Взвейтесь кострами, синие ночи», «Заветам Ленина верны», «Картошку» и пионерские речевки. Вожатые устраивают для октябрят встречи с прославленными рабочими и колхозниками, героями войны, с теми, кто раньше тоже носил красный пионерский галстук.

На сборе октябрятской звездочки ребята обсуждают, кто из их товарищей достоин стать пионером. Это очень важный разговор об учебе, дисциплине, о дружбе и верности своему слову. Каждый октябренок добровольно вступает в организацию и о своем желании говорит на сборе пионерского отряда — коллективного вожатого октябрят. Вожатые рекомендуют своих октябрят в пионеры, и все члены отряда открыто голосуют за прием каждого желающего. Октябренок считается принятым в пионеры, если за него проголосует большинство ребят отряда. С этого времени он становится членом пионерской организации. Затем наступает день торжественного вручения пионерского галстука. На пионерских линейках у памятников В. И. Ленину, героям революции и ратного подвига, в Ленинском зале или музее боевой славы, в воинской части или во Дворце культуры шефствующего предприятия пионеры повязывают красные галстуки своим новым товарищам. Но, конечно, в пионеры можно принимать не только в дни праздников, а в любой день, когда решит совет отряда.

Пионеры-новички объединяются в звено и входят вначале в состав шефствующего отряда, а если созданы два звена, то они объединяются в отряд. День объединения считается **днем рождения отряда**. Вместе с родителями, старшими пионерами ребята проводят праздник рождения нового отряда. Его можно провести у пионерского костра — с песнями, плясками, играми, интересными рассказами о пионерских делах, планах на будущее. День рождения отряда можно устроить дома, в красном уголке домоуправления, во Дворце пионеров. Самое главное, чтобы всем было весело и интересно. О рождении нового отряда сообщают школьное радио, стенная печать, «молния». Не забудьте пригласить на праздник фотокоров. Фотографии будут многие годы напоминать каждому из вас о незабываемом дне вступления в пионеры и дне рождения пионерского отряда.

«Пионер» ждет от новичков-пионеров писем с рассказами о вашем вступлении в пионеры и дне рождения отряда.

ПРИЕМ В ПИОНЕРЫ

Фотографии Б. ЗАДВИЛЯ.

Убайд РАДЖАБ

Мамочка

Кто пришел ко мне с утра?
— Мамочка.
Кто сказал: «Вставать пора»?
— Мамочка.
Кашу кто успел сварить?
— Мамочка.
Чаю в пиалу налить?
— Мамочка.
Кто косички мне заплел?
— Мамочка.
Целый дом один подмел?
— Мамочка.
Кто цветов в саду нарвал?
— Мамочка.
Кто меня поцеловал?
— Мамочка.
Кто ребячий любит смех?
— Мамочка.
Кто на свете лучше всех?
— Мамочка!

Нурек

Справа обрыв, слева утес,
Город меж ними в ущелье.
Он еще мал, еще не подрос,
Здесь он, как в колыбели.

Справа гора — так и была.
Слева гора — от века.
А между ними гора наросла
Волею человека.

Справа туннель, слева проход
Прямо сквозь крепкие скалы.
А по туннелю речка течет
Так, как ей люди сказали.

Справа скала, слева скала,
Море в оправе зеленой.
Воды сюда река принесла,
Сделалась морем бездонным.

Свет на селе, свет в городах,
Свет заливает долины.
Свет на плечах, свет в проводах
Вышки несут — исполины.

Как же могуч ты, человек,
Вижу твои приметы:
Выросла ГЭС и город Нурек,
Что означает — светлый!

Сын лесника

Не стану я артистом,
Не стану моряком,
Как дедушка и папа,
Я буду лесником.

Начну зимой и летом
Беречь покой лесной.
И лес ко мне привыкнет,
Подружится со мной.

Я с первыми лучами
Сегодня в лес вхожу.
Я веток не ломаю,
Костров не развожу.

Звучит на сердце песня,
Как струйка родника.
В глазах — березы свежесть
И стройность сосняка.

Любого лес приветит,
Чьи помыслы чисты,
Откроет птичьи тайны
И тайны красоты.

Но в шуме леса слышишь
И боль, и страх, и злость,
Когда его обидит
Неблагодарный гость.

Я по лесу шагаю,
Иду, как верный страж,
Чтоб мог расти спокойно
Зеленый спутник наш.

Не стану я артистом,
Не стану моряком,
Как дедушка и папа,
Я буду лесником!

Пшеница

Словно вышитый платок,
Полюшко расстелено,
Словно шелка лоскуток,
Зелено, зелено.

Ветер песенку поет
Нежную и звонкую,
Из земли росток растет
Шелковинкой тонкою.

Вот уже прошла весна
По пути привычному,
Вот уже пошла волна
По полю пшеничному.

Утром — дождик проливной,
В ясный полдень — жар и зной,
В недрах поля — щедрый сок.
Вызревает колосок.

Тонким ситом ветерок
Сеет росы чистые,
Убран каждый бугорок
Бусами, монистами,

И на каждом колоске
Росы, словно бусики,
Зерна в твердом кулачке,
А на зернах — усики.

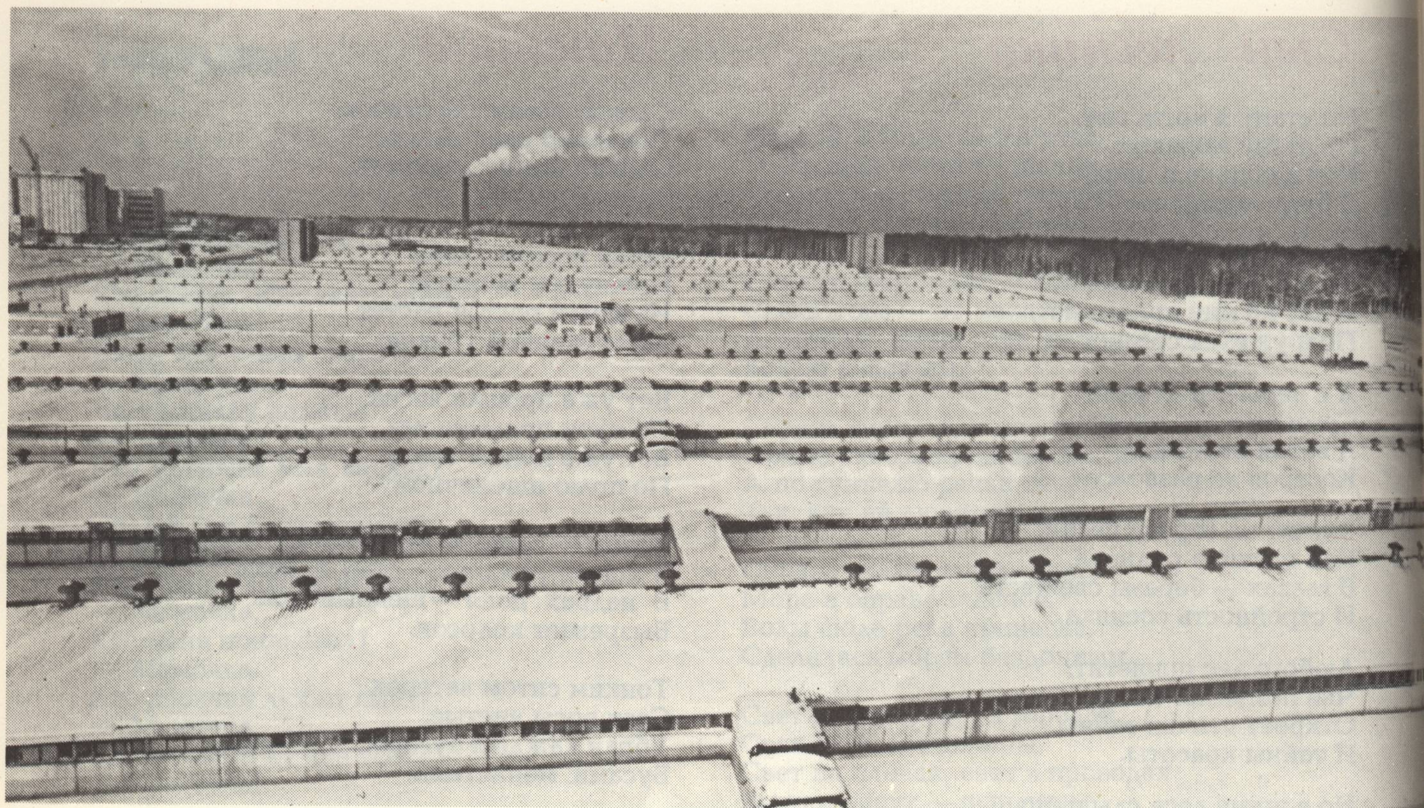
Ветер мчит во весь опор
Над пшеницей спелою.
Заявляет комбайнер:
— Десять норм я сделаю!

Полилась рекой на ток
Не пшеница — золото,
Пой да радуйся, дружок,
Улыбайся молодо!

Перевела с таджикского
Ирина ТОКМАКОВА.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

СТОИТ В ПОЛЕ ГОРОДОК

Юрий КРУТОГОРОВ

Глава, в которой автор меняет не только одежду, но и свои представления о свиноферме

Задание «Пионера» было самое простое: написать о свиноферме, о том, как сейчас выращивают свиней. И вот на электричке я поехал на станцию Рассудово, где находится совхоз имени 50-летия СССР.

Предварительно, чтобы не запачкаться, надел костюм поплоше, натянул на ноги старые башмаки. Как-никак свиноферма не такое учреждение, где можно щеголять в новеньких ботинках и накрахмаленной сорочке...

Приехал, представился, пошутил: «Марь Иванна, наш отряд хочет видеть поросят».

— Вас будет сопровождать главный ветеринар Николай Тимофеевич Пантюшенко,— сказали мне.

Познакомились. Мой сопровождающий был молчалив и загадочен. Оглядев мою одежду, усмехнулся.

Мы вошли в сверкающее стеклом здание, спустились по лестнице вниз, в подземную галерею. В нарядном холле, облицованном светлой плиткой, Николай Тимофеевич неожиданно приказал:

— Раздевайтесь!

— То есть? — не понял я.

— Вас ждет горячий душ. Это совершенно обязательно для всех, кто идет в наш городок. Стерильная чистота — прежде всего.

— Мы что, в ветеринарную клинику пойдем?

— Да нет. В станки, где живут свиньи.

Ничего себе начало. Он не шутил. Лицо его было непроницаемо.

Мой костюм и старые башмаки остались в холле, и вскоре на меня обрушились потоки воды. Затем предложили облачиться в новенькое белоснежное белье. Поверх я надел защитного цвета комбинезон, халат, напялил на голову шапочку. Напоследок мне подали желтые резиновые сапоги. Николай Тимофеевич оглядел меня, остался доволен: «Вот теперь в самый раз...»

Прошагав по подземной галерее метров двести, по крутой лесенке поднялись в возвышающуюся над всем городом башню.

— Это кормокухня,— сказал мой сопровождающий.

Из окна я увидел неоглядные луга: железо-

бетонные фермы городка со всех сторон были окружены полем.

«Ну что ж, кормокухня так кормокухня»,— подумал я. И ожидал увидеть жаркие печи, на которых в котлах варится свекла или картофель. Но печей тут не было. Разноцветные конические цилиндры спускались с потолка. Стеклянные сосуды в рост человека то наполнялись каким-то светло-коричневым составом, то опорожнялись, и тогда жидкая масса, как ртуть в термометре, ползла вниз. Сосуды стояли возле металлических щитов — на их экранах попеременно зажигались желтые, красные, синие глазки́. В окошечке на верхней панели, как в электронных часах метрополитена, мелькали цифры — 15, 16, 17, 18...

Интересно, что бы это значило?

Перед ближайшим ко мне щитом восседал сосредоточенный паренек лет семнадцати. Следя за бегом цифр, он одной рукой поворачивал на щите ключ управления, другой что-то записывал в тетрадь.

Глазки погасли. Цифры в окошечке исчезли. И тогда Николай Тимофеевич представил паренька:

— Это наш самый молодой свинарь-оператор Василий Мартынов. Работает у нас недавно, но дело освоил.

— Какое дело? — спросил я.— И почему он... свинарь?

Я был удивлен. То, что делал Василий Мартынов, больше напоминало работу по крайней мере программиста.

Василий Тимофеевич суховато, как плохо соображающему ученику, объяснил:

— С помощью автомата Вася кормил своих свиней. Цифры в окошечке показывали номер сектора, куда пневмонасосы подавали жидкий корм. Электроника помогала Мартынову.

— А что это за стеклянные сосуды? — Наверное, я в самом деле был непонятливым учеником.

— Это дозаторы с уровнемером. Они дают знать, сколько в тот или иной сектор отпущено СК-11, СК-16, СК-31. И так далее. Видели в окошечке электронную цифру? Она сказала Мартынову, куда поступил обед.

Вот так так! Молочная белизна зала, автоматы, электронные цифры, конические цилиндры, подземная галерея — словом, вся эта обстановка скорее напоминала зал управления космическими полетами, отсек современной электростанции. Но уж, во всяком случае... не кормокухню. Но это была кормокухня. Именно такой она и должна быть в животноводческом городке, пояснил Николай Тимофеевич, где под одной крышей содержится сто восемь тысяч свиней.

— Сколько, сколько? — переспросил я, полагая, что ослышался.

— Сто восемь тысяч... Да, такого стада в одном месте вы, пожалуй, нигде не увидите.

Так вместе с костюмом я, кажется, начинал менять представление о сегодняшней свиноферме.

Глава, в которой автор узнает, как подается обед в кормушки свиней

Возможно, кто-то из читателей недоверчиво ухмыльнется: во как дурачит нас Юрий Кругоров! Где это видано, где это слыхано, что-

Автоматика позволяет вовремя и точно по программе накормить сто тысяч свиней.

Профессии на такой ферме новые — свинарки-операторы.

бы под одной крышей жило-поживало столько свиней? Розыгрыш! Это же совершенно в голову не укладывается: обыкновенная, всем знакомая чумазая свинья, и ее, видите ли, электроника обслуживает. Дудки, не бывает такого!

Знаете, я нисколько не обижусь на такого читателя.

Я и сам бы не поверил, если бы не увидел городок возле станции Рассудово своими собственными глазами.

Но увидел. И с каждым новым шагом убеждался: это никакая не фантастика. Попутешествовали мы в тот день по городку славно. Где только не побывали!

Животноводческий городок (промышленный комплекс по откорму свиней), как и всякий город, разбит на отдельные кварталы и районы. Их тут называют секторами. В каждом секторе — станки, где живут свиньи. У станка свой точный номер, не заблудишься.

И вот что интересно: снаружи в сектор не попадешь, только через «чистилище» подземной галереи. Меньше опасность занести инфекцию.

Да и переходя из сектора в сектор, изволь всякий раз пополоскать сапоги в ванночке с дезинфицирующим составом.

Для животных такой же порядок. Прежде чем перевести их из одного сектора в другой, им настоящий душ устраивают. Такая банька, что только держись. Ливень! Ничего, привыкли свиньи, знай только похрюкивают.

Был очередной час кормления. И мне захотелось увидеть, как же действует та автоматическая система, которой в кормокухне руководит знакомый нам свинарь-оператор Вася Мартынов.

Нам отперли дверь. Вошли в сектор. Под самым потолком огромного помещения протянута труба.

— Кормопровод,— объяснил Николай Тимофеевич.

От кормопровода к каждому станку отведен шланг — к корыту.

Теперь я начинал кое-что понимать.

Поверх кормопровода по зубчатому рельсу движется тележка с дистанционным управлением. Иными словами, далеко в кормокухне Вася автоматически управлял ею. Включал и выключал. Это было управление на расстоянии.

Вот тележка поползла по своему зубчатому пути, открывая у кормопровода, возле каждого станка задвижку. И тогда жидкий корм по шлангу льется в корыто, наполняя его до краев. А дозатор с уровнемером, как сообщающийся сосуд, показывал свинарю-оператору с точностью до грамма, какая порция еды отпущена пятнадцатому, шестнадцатому или семнадцатому станку сектора.

Подчиняющаяся автоматике тележка лишь знай себе открывает или закрывает задвижку возле каждого станка.

Это автомат-кормилец.

А тут есть автоматы, которые задают помещению нужную температуру, создают нужный микроклимат. Автомат, если необходимо, включает приточно-вытяжную вентиляцию, и тогда свежий ветерок гуляет в огромном помещении.

Прикинь, сколько в обычных условиях нужно свинарок, чтобы вовремя накормить и обиходить сто восемь тысяч свиней? Очень много. Целая армия. А тут в смену работает двадцать пять свинарок. Вернее, свинарок-операторов. Именно операторов. Ведь они должны знать не только повадки своих подопечных с розовыми пятачками, но и схемы автоматики. Такая профессия. И я понимаю, почему она так нравится Васе Мартынову. Сидишь себе в зале молочной белизны, чисто, свежо, следишь за приборами — и кормишь целое стадо, которое даже не подозревает о твоем присутствии.

Автоматы животноводческого городка по своей исполнительности, надежности ни в чем не уступают системам, скажем, той же электростанции. Потому что и свинари-операторы и вся подвластная им техника работают по научной программе, направленной на скорый и полновесный откорм свиного стада. Эта программа не знает приблизительности — она необманна, как календарь.

Глава, в которой автор узнает о биологическом конвейере и раскрывает код СК

Программа называется несколько непривычно: биологический конвейер.

На автозаводе, например, конвейер вполне понятен. В самом начале его на движущуюся дорожку ставится рама автомобиля. И поехала рама на сборку. На одном участке ей приделают колеса, на другом поставят кабинку, на третьем укрепят двигатель, на четвертом водрузят кузов. Автомашина, как говорится, на глазах вырастает.

А биологический конвейер? Движущейся дорожки тут никакой нет. Зато конвейер тоже подчинен графику, тому, чтобы свинья день ото дня, месяц от месяца, равномерно набирала нужный вес. Чтобы исправно подрастала.

О конвейере на автозаводе позаботились технологи, конструкторы, проектировщики. Биологический конвейер в нашем животноводческом городке составили зоотехники, ветеринары, диетврачи, физиологи. Все учли. Учли аппетит животного того или иного возраста. Предусмотрели, какой питательности корм необходим свинье, чтобы за положенное время могла набрать привес.

Положенное время — двести двадцать два дня. За этот период—так задумано учеными—килограммовый поросенок должен прибавить

в весе ровно в сто двенадцать раз. И не меньше.

Как же безошибочно и в срок выполнить эту задачу?

И вот что мне рассказал Николай Тимофеевич.

Все стадо в городке распределено по возрастным группам. Вот какие группы: от 42 до 60 дней, от 60 до 104 дней, от 104 до 158 дней, от 159 до 222 дней. Так что в секторе вы не увидите месячного поросенка рядом с огромной свиньей. Ровесники живут только с ровесниками. В соответствии с этим у каждой группы — свой рацион. Своя рецептура корма.

Ага, теперь я догадался, что значит код СК-11, СК-16, СК-21, СК-31. Это свинокомбикорм. А цифра обозначает номер рецепта для возрастной группы.

СК — отменная пища для животных. До двадцати различных продуктов заложено в свинокомбикорм. Тут и поджаренный ячмень, и кукуруза, и сухое молоко, и животный жир, и сахар, и пшеничные отруби, и травяная и костяная мука. Всякие другие приправы, вплоть до витаминов А, В, С, Е...

Понятно, что поросятам дают в комбикорме больше сахара и молока.

Взрослым свиньям — побольше кукурузы и отрубей.

Сухой корм разбавляют водой — и обед по кормопроводу посылается в секторы.

Да, чуть не забыл. В комбикорме обязательно присутствуют дрожжи.

Словом, свиньи в городке растут, как на дрожжах.

Разумеется, попадаются свинки слабые, хворые. Такие «пациенты» берутся ветеринарами под особый контроль. В особых станках им дополнительно к обычному рациону дают рыбий жир, глюкозу, побольше молока и мела.

Поправились—возвращайтесь к своим ровесникам!

Вот как работает животноводческий городок возле станции Рассудово.

Теперь ты понимаешь, как много надо знать Васе Мартынову, всем свинарям и свинаркам. Раньше на ферму брали кого угодно, лишь бы был старателен да расторопен. Велика ли требуется грамота, чтобы возиться с хрюшками? Теперь не то! Вон какая наука пришла в наш животноводческий городок! И поэтому сюда идут очень многие выпускники местной школы.

Напоследок я познакомился с Раей Новоселовой. Она тут практику проходила после девятого класса.

— На кого пойдешь учиться, когда школу закончишь? — спросил я.

— На свинарку! — не без гордости ответила Рая.— Надо освоить электронику, автоматику. А тогда — за дело! Конвейер — это совсем не просто.

Сам этот ответ показался настолько удивительным, что я не нашелся, что сказать...

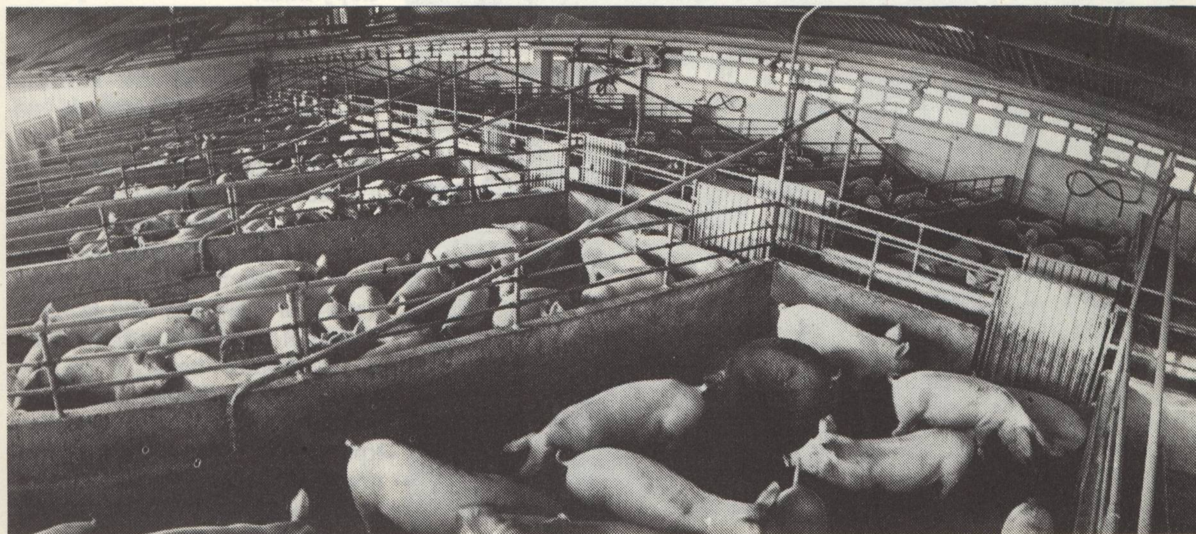
Вот так преображается Нечерноземье, а вместе с ним и люди этой земли. Так выполняются решения нашей партии, недавнего ноябрьского Пленума.

Вчерашнее болото становится лугом — это мелиораторы сделали. Вместо стареньких изб вырастают дома с ванными и горячим отоплением — строители постарались. На месте неказистых свиноферм появляются городки, об одном из которых я рассказал,— это животноводы идут в ногу со временем. Они хотят, чтобы в города и села поступало больше мяса, колбасы, сосисок, ветчины, сарделек, окороков, рулетов. Для всех нас.

...К вечеру вместе с Николаем Тимофеевичем я возвращался подземной галереей в холл, где оставил свою одежду. Стягивая желтые резиновые сапоги, увидел — на них ни капельки грязи.

Николай Тимофеевич улыбнулся:

— Я же говорил, что у нас повсюду стерильная чистота...

Фотографии А. МАРТИРОСЯНА.

Н. АЖГИХИНА

СКОЛЬКО СТОИТ... АВТОБУС?

В автобусе стоял треск и звон. На задней площадке двое ребят что есть силы колотили по кассе кулаками и портфелями. За то, что сдачи не дала. Касса перестала давать и билеты.

На очередном повороте я инстинктивно схватилась за поручень. К моему ужасу, поручень выскочил из пазов и я чуть не упала. Пришлось схватиться за хлястик плаща впереди стоящего пассажира. К счастью, я заметила вдруг свободную скамейку. Но, увы... Уставшие люди печально стояли — обшивка была изрезана, поролон разорван в клочья... Скамейку впереди тоже никто не занимал — форточка была разбита, и дождь хлестал прямо на сиденье...

Открою секрет сразу. Мне не приходилось ездить в таком ужасном автобусе. Я его представила. Представила, как бы выглядели наши автобусы, если бы рабочие автобусных парков не чинили, не подкрашивали, не исправляли постоянно то, что испорчено, поцарапано, сломано нами, пассажирами.

Я зашла в самый обычный автобусно-троллейбусный парк Москвы — Филевский. И вот что мне рассказал заместитель главного инженера парка Анатолий Леонидович Николаев:

— Вряд ли ребята знают, что каждый месяц автобусы и троллейбусы с абсолютно исправными двигателями тем не менее нуждаются в ремонте. В салоне испорчены сиденья, сломаны поручни, поцарапана краска. Мне кажется, тем, кто занимается в Школе Умелых Хозяев, было бы интересно решить такую задачу.

В нашем автобусном парке шестьсот пятьдесят автобусов. Ежемесячно приходится ремонтировать шесть машин. Представьте себе один из этих автобусов...

Его надо заново покрасить — это стоит **99 рублей 20 копеек.**

Заменить кассу — новая стоит **39 рублей 90 копеек.**

Отремонтировать пять сидений, каждое из которых стоит **3 рубля 35 копеек.**

Поставить три новых форточки — цена форточки **4 рубля 10 копеек.**

Сколько стоит ремонт такого автобуса?

99 руб. 20 коп. + 39 руб. 90 коп. + 3 руб. 35 коп. × 5 + 4 руб. 10 коп. × 3 = ?

Сколько же тратит автобусный парк ежемесячно на ремонт всех шести автобусов?

Всего в нашем городе четырнадцать таких парков... А по всей стране в сотни раз больше.

Я думаю, решив такую задачу, можно представить, какой убыток наносят государству те ребята, которые от скуки ковыряют ножичками сиденья в автобусах, стучат кулаками по кассе, виснут на поручнях.

И не случайно я цену называл с точностью до копейки. Если помножить эти копейки на количество автобусов, которые ездят по нашему городу, по всей стране, огромная сумма получится.

Бабушки и дедушки, наверное, помнят: лет двадцать назад по Москве ходили троллейбусы с сиденьями из натуральной кожи, в салоне висели большие часы, а заднее стекло было зеркальным. Нынешние автобусы тоже очень красивы и удобны. И давайте постараемся, чтобы они подольше такими оставались.

Твой старый знакомый — обыкновенный автобус. Будь к нему внимателен.

ЖАР-ПТИЦА И СКВОРЕЦ

Богдан ЧАЛЫЙ,
лауреат премии имени Николая Островского

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

РАССКАЗ-БЫЛЬ

В Индии, на берегу океана, тихий старик — йог и укротитель змей — дал мне забавный совет.

«Если ты устал, мой сын, расслабься, закрой глаза. Попробуй сосредоточиться. И представь себе утреннее солнце, встающее из тумана. Думай, думай о нем, чтобы оно становилось ярче и ярче. И тогда же постарайся увидеть птиц. Не сказочных — самых обычных. Заставь их силой воображения играть в полете, нежно петь. Пусть наслаждаются они солнцем твоим. Не спеша можешь открыть глаза. Ты ощутишь блаженно, как отдохнул за эти несколько минут. Вспомнишь Индию, друг. И меня, старика...»

Есть какое-то доброе волшебство в этом наставлении, есть улыбка. Вот и сейчас закрываю глаза. Не от усталости. Просто дождь надоел, затянувшееся ненастье. Усилием воли «включаю» солнце. Птицы вновь парят. Не жар-птицы — просто аисты. Ласточки и скворцы. Дикие утки, чибисы. Стайки воробьев, оранжевая иволга. Свой почерк полета, свой облик у каждой, свой голос. В жизни нашей должно быть много птиц. Каждая вам дарит диво-перышко, чтобы сердце летело вдаль. Без них ни солнца, ни человека...

Прошлой весной скворец избрал себе для жилья дерево без ветвей и листьев: огромный дом почти в центре города, есть в котором и наш балкон. Устроился в двух шагах от обеденного стола. В опасной близости от людей, совсем ему незнакомых.

Видимо, сработал птичий телеграф. Принял скворец еще в пути песенку-депешу от синиц с указанием этого адреса.

И до него балкон наш не пустовал. Всю зиму хозяйничали синички. С первым снегом являются из лесу каждый год — с тех пор, как вырос новый дом. Знают, где ждет их всегда свеженькое сало на веревочке, отгоняющее любой мороз.

Лет семь жил под нашим балконом одноногий воробей. Отморозил лапку или кот откусил, не знаю. Задавал он тон во дворе. Сорока стрекотнет, чужак объявится — первый в атаку. Коричневый беретик набекрень, хорош! Что терять лихой голове?

Звался он у нас Комендантом. За боевитость и четкость. Вдруг пропал надолго. Взгрустнулось нам. Знаем, в годах приятель. Может, инфаркт какой, да мало ли...

Слышим, как-то за окном гордый крик, пулеметное чириканье. Выглянули — Комендант. Да не один. Рядом с ним пичужка молоденькая. На стекло косится, как в зеркальце глядит. Ишь, привел невесту показать!

Тут время уточнить, что живем мы на Русановке, есть такой район Киева, на левом берегу Днепра. Еще недавно здесь были пески. Редкая машина могла их преодолеть. Пока не пришли строители. Сейчас Русановский остров — не окраина: магазины, школы, станция метро «Левобережная». Через дорогу от нашего дома чистый синий залив, кричат чайки до самых заморозков. В мае здесь гнездятся соловьи. Мир полон до краев их щебетаньем. К любому певцу подходи вплотную. Не заметит, так увлечен, пока выводит плавную трель...

В раннем-раннем детстве считал я птиц дальними родственниками. Помните, сказка у могикан: человек от зверя произошел или иного существа, и в его характере это отмечено природой. От бизона он или ящерицы. От лося или мотылька. Или прадед ему — юкатанский гордый ворон.

Вырезал и я тотемный знак семьи. Из дубовой коры. Мчащаяся на коне странная птица. Клюв небольшой, сильное крыло, длинные ноги в стременах.

Удивился отец: «Зачем — конь?» И сам догадался: «Ясно, от фамилии. Ты прав, малыш, в запорожском товариществе носили твоих прадедов славные скакуны!»

Согласно кивал я головой, убежденный в своем родстве с пернатой всадницей... И до сих пор считаю, что лучше с птицей приятельствовать на равных. К примеру, аисты... Знаю три семьи, что, можно сказать, сроднились с аистами за долгие годы.

Был хуторок возле Обухова, от Киева рукой подать. Ничем не знаменит, черемуха да вишни. Пара колодезных журавлей да гнездо аиста на замшелом сарае. Низко-низко, чуть выше человеческого роста. Аисты здесь живут, если верить дедам, лет сто, а может, и больше. Рядом с дорогой, на видном месте. Спокойные, полные крылатого достоинства.

Забрел я сюда однажды после войны. Гляжу, известный поэт на лавке сидит, наш седовласый академик. Вздыхает, белой головой покачивает. Тихо так повторяет: «Прилетели, други, прилетели. Уж думал, и не встретимся».

Тридцать лет прошло с тех пор. Давно сгинул сарай. Но на прежнем месте кто-то вкопал надежный столб. На той же неудобной высоте — гнездо. На том же колесе. Теперь я говорю аистам, старым знакомым: «Прилетели, други, прилетели!» Кивают головами: «Ишь, и ты явился!»

Наношу визит и каневским аистам. Есть село вблизи Леплявы, в памятных гайдаровских местах. Тут на высоченном столбе их жилище, словно папаха великана. И с этими птицами я на «ты» свыше двадцати лет. Бабушка местная по секрету сказывала: «Знают они, все знают о партизане Гайдаре. Сумку его они припрятали в надежном месте, может, даже и в гнезде. Пусть ребятишки еще поищут. Как явится меж них самый расторопный да веселый, такой певучий, как Гайдар, ему и сумка достанется!»

И еще с одним семейством по телефону перезваниваюсь. Спрашиваю Володарку: «Прилетели?» «Неделю как ждет,—голос Володарки.— Плохи дела!»

Там, на Володарке, в усадьбе фронтовика, на берегу Роси, двое аистов поселились. Детей вывели, ушли в теплые края. Все бы славно, да принесла тревогу новая весна.

Первой прилетела аистиха, а его нет. Солнышко пригревает, дни бегут. Дней через восемь он явился, совсем усталый. Лягушку ему поднесла, согрелся. Скрипучую песню запел. Хорошо!

Через год еще больше опоздал. Возрастом стал старше или крыльями слаб.

В нынешний год не звоню. Просто боюсь. Жду вестей из Володарки. Что-то молчит телефон.

...Птицы — как мысли. Свойственно им легко скользить из дня нынешнего в рощи прошлого. Голосок оттуда подавать, то грустный, то веселый. Думы-птицы, искорки памяти сердца... Но так и потерять можно главного героя рассказа — скворца. Нельзя.

Шел однажды с работы, гляжу—доски разбросаны во дворе соседнего «Гастронома». Да много ли на скворечник надо?

Есть гвозди, есть пила. Устроился на кухне, расстелив газету, начал мастерить. По типовому проекту из детского журнала. Архитектурные излишества птице не по душе. Пробовали иные дом скворца резьбой украшать, рубанком полировать до блеска, даже раскрашивать. Стороной обходит. Главное для него, чтоб без сквозняков и леток на восток, диаметром пять сантиметров.

Сын из школы пришел, посмеивается. Откуда на Русановке скворцы? В Гидропарк, за Днепр летят. Деревья там солидные, дуплистые. Придумать же — скворечник на балконе. Соседи засмеют.

Темной ночью робко стучал молоток. Два гвоздя в балконную стойку. К задней стенке скворечника был прикреплен маленький тотемный знак из сосновой коры: длинноногая птица, мчащаяся на скакуне.

Ровно в шесть утра затрепетала песенка-зоренька, крылом взмахнула. На жердочке сидел скворец и пел вполголоса. Свистульки пробовал, прищелкивал. Гордился новым домом.

Вначале вел себя довольно странно. Дотемна исследовал жилище, с коротким перерывом на обед. Нырнет в леток и вынырнет. Туда-назад, словно ткацкий челнок. Проверял размер дверей? Или лаз полировал для будущей подруги? Трудно сказать. Ему виднее.

Кончив сие занятие, начал носить в дом зеленые листочки. Полдня втаскивает, полдня выбрасывает. Горницу веселит пряным запахом свежего сенца. С недельку так трудился. Песни новые разучивал. Клюв — кверху. Рябенькое перышко на горле отплясывает. Иссиня-черен в солнечных лучах, лапки позолочены.

Однажды весь дом пробудился от великолепной новой песенки. Удивление жизнью, легкая сердечная тревога пульсировали в мелодии. Певец замер, застыл у летка. Словно не мог вытащить клюв из пронзенного им насквозь плотного апельсинового солнца.

С крыши домика глядела на него с легким недоумением рябенькая шустрая скворчиха. Вертела головкой, точно змейка. Сколько в ней милого озорства! Скворца столкнула с жердочки, клюнула в глаз. Показалась на веревке для белья, в форточку заглянула. И понесла в леток первое перо.

Пошла работа, любо глядеть. Несли в дом разный стройматериал. Веточки, лоскутки тканей, вату. Еле втащили вдвоем обрывок целлофанового пакета. Пестренькая задерживалась в квартирке, наводила уют. Скворец тоже заглядывал внутрь. Домик ведь не стеклянный. Как там гнездышко формируется? Торчали лапки, хвостик. Свыкался бедняга с

темнотой. Но вскоре быстро пятился. Скворчиха прогоняла.

Он честно трудился. И пел за двоих. Словно знал, что и нам его песня нужна. Слушал весь девятиэтажный дом. Люди переговаривались, радуясь: «Ну, певец! За душу берет. Один, как целый хор...»

Был скворец тонким лириком и остроумным пародистом. Так мастерски подражал соловью, что трель его порой могла сойти за подлинник. Блистал в эстрадной программе множеством голосов: Тут вам зяблик и жаворонок, иволга и воробей. Владел чувством юмора и ценил его в других.

Жить да поживать. Чего ж еще? Песня и труд. Но птичий бес, он тоже есть.

И вынырнул у скворечника новый герой. Который лишний. Без разрешения оглядел дом, лихо присвистнул. Бунгало — ничего-с! Нагло нырнул в гнездо, где и хозяин не побывал. Яркоклювенький, молодой. Принялся песенку распевать. Призывную, с какой-то забубенностью.

В самый раз поспели хозяева. Шустренькая оттолкнула молодца и — в домишко. Пусть мужчины поговорят. Тут же выглянула, вертя шейкой. Что за искорки в черных бусинках глаз!

Засеменили по веревочке скворцы, грудью на таран. Веером перья на шее. Тетерева-рябчики! Петухи. Зубробизоны! Столкнулись — гром загремел. Наш наседал, чувствуя правоту. Не уступал и враг. Бил чаще, веселее. Рухнули оба вниз на пол огненным комочком перьев. Прямо к открытым дверям, к человеческим ногам. И продолжают жаркий бой. Разнимать? Вот они, рукой бери! Жалко славных петушков, но вмешиваться...

Здорово наш скворец выбрал момент. Удар, и обидчик сбит. Плотно прижат спиной, крылышками к земле. Зато наш глядел орлом. Гордо оглядывался. Но клювом лежачего не

трогал. Отступив, отпустил на все четыре стороны. Кто еще хочет?

Время шло. Скворчиха вдруг пропала из поля зрения. Пуще прежнего запел супруг. Изредка заглядывал в леток и пятился. Нырял и снова пятился. Выскакивал как ошпаренный. И песню громко пел.

Как-то над клювом певца словно выросли усы. И кверху топорщились. Он держал коричневую гусеницу. Вертясь, оглядывался по сторонам. Удержать бы в секрете, что вывелись птенцы. Откуда только узнали люди? Окна пооткрывали, шлют поздравления. Прощай, песня, до следующей весны!

В летке замер вечно растопыренный желтый клюв. Желтый клюв и мутноватый удивленный глаз. Да не один, а четыре оранжевых одинаковых рта. Хвать червя, алчный писк, и сменяются, как в кинокадре. Полчища насекомых и мотыльков, гусениц, личинок просто как в пропасть летят в ненасытную пасть. Исхудали родители, извелись. Сами голодные, нервные. Сыты ли детки?

Четверо птенцов с одним огромным ртом. Да разные по характеру. Стоит только прислушаться. Первый хрипит баском, вечно корит, самоуверенный. У другого тонкий писк, с нотками мольбы. Третий мурлычет котенком, артист растет. Четвертый — молчун. Без лишних слов стягивает братца за ножку вниз, чтоб самому схватить корм.

Скворцы по очереди чистили жилище. Чаще он мчался за кормом, мать «меняла пеленки». Мусор падал вниз, посреди двора, почти в одном и том же месте. Трудолюбив птичий клюв! Вскоре и птенцы разобрались, что гигиена — благо. Разворачивались к летку хвостиком. Берегись, прохожий!

Чужие дети быстро растут, верная пословица. Менялись на глазах. Засеребрились пухом, перышками. Вместе с аппетитом рос апломб. Ругали кормильцев. Самый тихий птенец пытался клюнуть папу с мамой, отбирая пищу. Тащат мелюзгу!

Лето все разгоралось. Катилось яблочком, снежным кальвилем, через сады, через поля. Пахло грушей-лимонкой, листьями земляники, сеном из-за Днепра. По городской улице шли от залива пляжники. После дождя в одних плавках бодро шагали по лужам. Радовалась Русановка солнцу и воде. Рядом кричали чайки. Зяблик на тонком топольке звонко предсказывал погоду.

В этот воскресный день забастовали скворцы. Отказались кормить детей. Смотрим и удивляемся, даже купаться не идем. Странную затеяли они игру. Пляшут вокруг скворечника, насвистывают, забавляются. В клювике мамы — гусеница. У отца — мотылек. Подлетают, словно бы кормить. Рот навстречу раскрывается, а они — в сторону. Снова подлетят, клювик щекотнут и были таковы. Извелись птенцы, хрипло кричат. Что за безобразие? Давайте есть!

Один высунулся наполовину, да спохватился вовремя. Чуть не вывалился. Изловчился молчун. Выбрал момент, когда отец поднес мотылька, и — стрелой за ним. Вылетел из летка, впервые закричал. Метнулся вниз. А крылья зачем? Взмахнул раз, другой и закачался на веревочке. Вот тебе и корм, храбрец! И гусеница и мотылек. Следующих давай выманивать. Пора!

Улетели скворцы в поля. Соседи их, люди — к морю, на юг, в отпуск. Возвращаемся — пуст балкон, выгорели в ящике цветы. Не скликать ли птиц по совету старого йога? Устали с дороги, прилегли отдохнуть. Вдруг вспыхнуло солнце необычное. С золотым клювом. С огненными крыльями и хвостом. Проплыло в небе сомкнутых век, вспыхивая и пропадая. Вот вам сказочная жар-птица. Спасибо, Индия! Открываю глаза, отдохнул. Но живого скворца и сказка не заменит.

Утром в шесть часов (что за наваждение!) слышится песня знакомая. Да не в один, в шесть голосов! На веревочке бельевой скворцы раскачиваются всем выводком. Не отличить детей от родителей. Поют-заливаются. Забеспокоились, где соседи. Вот и прилетели навестить. Птичий глаз остер, все видит. Приревновали к жар-птице.

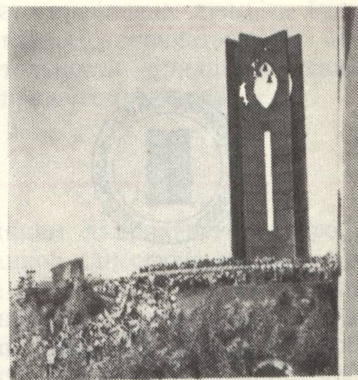
Развлекали нас ежедневно, утром и вечером. От бабьего лета до первых заморозков.

Учиться надо у птиц. И не только искусству летать.

Ведет журналист-международник Павел ГРИГОРЬЕВ

«Единство, творчество, красота»

Болгарская земля, пережившая много нашествий за свою историю, на этот раз встретила тысячеголосый «десант»... с распростертыми объятиями! Потому что «вооружен» он был карандашами, палитрами и альбомами для рисования. Потому что его девизом были три магических слова: **Единство, Творчество, Красота.**

Юные посланцы из восьмидесяти четырех стран мира собрались на первую Международную детскую ассамблею «Знамя мира». И произошло это с 15 по 25 августа 1979 года в столице Народной Республики Болгарии — Софии.

Когда хозяева праздника и гости собрались в зале и плечи их коснулись друг друга, далекие страны вдруг стали близкими, незнакомые лица — родными. Дети почувствовали, что Земля не столь уж велика и не бесконечна. Дети поняли, что за мир на этой Земле могут и должны бороться и они, составляющие треть человечества. Дети, говорящие на разных языках, поняли: все то, что их объединяет, — главное, а то, что разъединяет, — второстепенно.

Никому не счесть всех тех счастливых мгновений, что пережили девочки и мальчики, участвовавшие в ассамблее... Один юный художник в своей картине нарисовал десять солнц. Когда его спросили, зачем ему столько солнц, он ответил: «Одного солнца мало, чтобы согреть всех и всё — ведь где-то есть война, мрак, горе».

Язык братства и солидарности, как и язык творчества, — это общепонятный, общечеловеческий язык.

В своем приветствии ассамблее Леонид Ильич Брежнев писал: «...Творчество — это тот родник, который рождает все лучшее на земле. И, конечно же, нет более высокой цели, чем сделать жизнь во всех странах подлинно красивой и радостной».

В знак любви и уважения к стране — хозяйке ассамблеи ее участники привезли с собой необычные сувениры — колокола. Да, да, самые обыкновенные колокола, но только разные по форме и по величине. В истории человечества колокольный звон возвещал о великих, переломных моментах, звал на борьбу за свободу, на борьбу с силами тьмы.

25 августа 1979 года в окрестностях Софии был открыт монумент «Знамя мира». Семь колоколов, установленных в верхней его части, символизируют «голоса» всех частей света. Не забыты были и колокола, привезенные детьми из своих стран. В день открытия памятника их было 54. Дальше будет больше!

Колокола, колокола, — судьбы народной зеркала, — многое вы повидали, многое поведали и еще расскажете о многом!

Роберт БАБЛОЯН

— Динг-донг, динг-донг, — это софийские колокола гудят.

Добрые машины

На улицах наших городов все чаще встречаются автокраны, экскаваторы, механические погрузчики с надписью «Бумар». Эти строительные машины изготовлены в Польше на промышленном объединении «Бумар». Там делают еще и бульдозеры, гусеничные тягачи и другие машины. Эту марку хорошо знают в пятидесяти странах мира, и не случайно.

Страны — члены СЭВ договорились о разделении труда: каждая страна специализируется в той области экономики, которая наиболее развита, наиболее выгодна этой стране. Такая экономическая система называется интеграцией. Сообща было решено, что Польша станет, кроме прочего, еще и поставщиком строительных машин. Большую часть машин польские машиностроители поставляют в социалистические страны. Половину из них — в Советский Союз. Добрые машины «Бумара» трудятся в разных районах нашей страны.

КТО БУДЕТ СОРОКОВЫМ?

В этом году Соединенные Штаты выбирают своего сорокового президента. В середине прошлого столетия Авраам Линкольн, первый президент США, истратил на свою избирательную кампанию полтора доллара: он выкатил своим сторонникам бочку сидра. А в 1976 году демократическая партия Америки израсходовала на выборах сорок восемь миллионов долларов! Республиканцы оказались скромнее: им выборы обошлись «всего» в тридцать миллионов!

Половина этих средств поступает из частных источников. Иными словами, от разных толстосумов, заинтересованных в победе именно «своего» кандидата.

Так капитал ставит у власти угодных ему людей. На долю рядовых избирателей остается одно: голосовать за того, кто больше обещает.

Дело в том, что в США существует несколько могущественных финансовых и военно-промышленных монополий. Они яростно соперничают между собой за право посадить именно «своего» кандидата в Белый дом. Так они могут обеспечить себе крупные правительственные заказы, выгодные условия для торговли и другие привилегии. Вот почему соперники на выборах не брезгуют никакими приемами. Например, бывший президент — республиканец Ричард Никсон во время выборов 1972 года оказался замешанным в противозаконных махинациях: во взяточничестве, подслушивании телефонных разговоров своих противников.

Во время предвыборной кампании 1976 года нынешний президент США Джеймс Картер обещал американцам победить бедность и безработицу, запретить продажу оружия в другие страны и справиться с другими проблемами, волнующими избирателей. Но за четыре года своего правления ему не удалось выполнить ни одного обещания. Почему?

Причин много. Одна из них — огромные расходы на вооружение. Патриция Шредер, член палаты представителей конгресса США, утверждает: на три миллиарда долларов, которые США тратят на строительство атомного авианосца, можно содержать в течение года тысячу нью-йоркских школ; на четыре миллиарда долларов, которые съедает строительство взлетных устройств для ракет МХ, можно два года оплачивать работу всего общественного транспорта; а на 60 миллионов долларов, истраченных на производство одного самолета С-5А, можно целый год кормить двенадцать тысяч семей из четырех человек. «Спрашивается: как можно позволять военным прикарманивать такие деньги?» — негодует Патриция Шредер.

Можно назвать и другие причины неудач нынешнего правительства США. Но в этом нет необходимости. Все они сводятся к одной, о которой говорил еще американский писатель Теодор Драйзер: «Правительство расположено на Уолл-стрите, а не в Вашингтоне... Разговоры о демократии — просто шутка». Поясняем: на

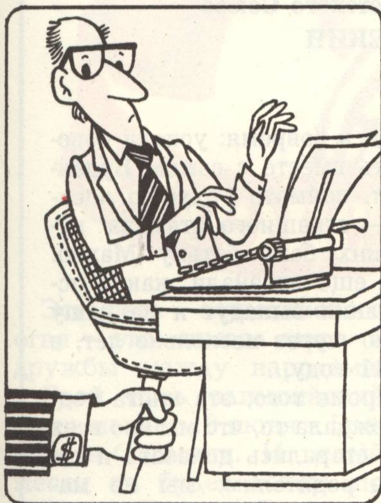
Так изображает избирательную кампанию датский художник Херлуф Бидструп: сначала кандидат сулит избирателям золотые горы, а после победы на выборах выгоняет просителей за дверь.

Уолл-стрите, одной из центральных улиц Нью-Йорка, расположены крупнейшие банки и правления монополий и концернов. Именно они заправляют политикой США. Поэтому, кто бы ни стал сороковым президентом США, его правление вряд ли будет всерьез отличаться от деятельности тридцати девяти предшественников!

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ЭТИ ЦИФРЫ

СТАРАЯ ПЕСЕНКА

Слепой старик ковылял по улицам американского города Хьюстона. Он наигрывал на ободранном саксофоне старые марши и ковбойские песенки. На поясе у него висел пластмассовый стаканчик. Прохожие кидали туда центы. Натруженные пальцы старика неловко перебирали клапаны. Ноги шаркали по мостовой.

А навстречу ему шагал длинноволосый парень. Время от времени он обращался к прохожим: «Двадцатипятицентовика не найдется?» Попросту говоря, клянчил двадцать пять центов.

В больших городах Америки на такие сцены перестали обращать внимание. Примелькались. Но, как ни странно, редактору еженедельника «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» Марвину Стоуну она запала в душу.

«Вот,— рассуждает руководитель близкого к Пентагону издания,— и стар и млад заняты заботами о пропитании. Но какая разница! Старик из последних сил старается отработать подаяние, а парень нагло требует его! Такова современная молодежь!»

Этому журналисту и в голову не пришло рассказать о причинах того, что **каждый четвертый молодой американец** не имеет никаких шансов получить работу. Он не вспомнил о том, что гигантские траты на гонку вооружений лишили пособий **миллионы** стариков.

Впрочем, редактора Стоуна тоже можно понять. Если его журнал выступит с неугодной хозяевам статьей, он сам рискует остаться на улице с протянутой рукой. Не лучше ли усердно раздувать щеки, наигрывая старые забытые марши?

У ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА

СТРАНА НА ВУЛКАНЕ

Осенью прошлого года сто пять тысяч жителей острова Сент-Винсент, расположенного в Карибском море, провозгласили свою независимость от Англии. Они решили присоединиться к населению трех соседних островов — Доминики, Гренады и Сент-Люсии — и самим заботиться о своем социальном и экономическом развитии.

Население всех четырех островов живет в одинаково трудных условиях. Эти острова невелики по размерам, их природные ресурсы небогаты, основа экономики — земледелие. Но жителям Сент-Винсента, пожалуй, труднее всех: на острове много безработной молодежи. Молодое государство пока не может занять всех рабочих. И получается, что средний доход островитянина всего 250 американских долларов в год.

И еще одна проблема острова — вулканы. В мае прошлого года начал извергаться вулкан Суфриер, расположенный всего в двадцати милях от столицы — Кингстауна. К счастью, человеческих жертв не было. Но весь жизненный уклад островитян был нарушен. Людей пришлось эвакуировать из опасных районов. Горячий пепел засыпал банановые пальмы, сельскохозяйственные плантации. Это было особенно тяжким ударом для экономики страны. Ведь бананы и кокосовые орехи — главная статья экспорта.

И все же островитяне не падают духом. За последнее время на острове построено два завода, перерабатывающих сельскохозяйственные продукты.

Молодой рабочий одного из этих предприятий Фрэнк Бойем говорит о том, чем живет ныне весь остров: «Конечно, нас ждут огромные трудности. Но главное — мы свободны и можем сами распоряжаться своей судьбой. Это придает нам силы».

Однажды в детстве я прочитал книгу...

Рассказывает Герой Советского Союза Е. П. МАРИИНСКИЙ

Все мальчишки играют в войну. Это легко проверить — зайдите в любой двор, и вы обязательно заметите крадущихся вдоль дома, залегших у скамеек и выглядывающих из подъезда мальчишек. Вы увидите и не поймете, где «свои», а где «враги», а потом услышите «ура!», от которого зазвенят стекла, взлетят голуби и замрет сердце. Разбираться кто — кого будет уже поздно. Ясно одно — победа!

В моем родном городе Балта мы играли в войну не так. Город был маленький, а игру мы устраивали большую. Город делился надвое, замирал в ожидании, а потом наполнялся шумом яростного боя двух наших армий. Тогда нам еще не мешали машины, громады домов, потоки прохожих, а заборы и окрестные пустыри только помогали. Помогало то, что гражданская война еще не успела стать историей, живы и молоды были ее герои, и рассказы о подвигах можно было услышать из уст очевидцев. Жив был и мой отец, еще до революции знавший Ворошилова, вместе с целым батальоном перешедший в 1917 году на сторону Советской власти. Подрос мой старший брат, который еще в пеленках был ранен — ему пришлось вместе с родителями кочевать по фронтам гражданской войны... Все в это время разжигало мой интерес к военной истории, желание и самому когда-нибудь пойти отцовской дорогой, в кадровые военные. Поэтому и книжки я в то время читал все больше про войну, про походы Петра I, про Отечественную войну 1812 года. Тогда же попалась мне книга П. Бляхина «Красные дьяволята».

Теперь, почти пятьдесят лет спустя, когда мне задают вопрос о любимой книге моего детства, я вспоминаю именно ее. Почему? Ну, во-первых, мы тогда не были избалованы приключенческой литературой, тем более написанной специально для детей. Это была первая революционно-приключенческая повесть. Автор начал писать ее, когда гражданская война была в самом разгаре, и о событиях, в которых сам участвовал. Во-вторых, мы завидовали ее героям: Следопыту, Оводу, молчаливому и мужественному китайцу Ю-Ю (только во второй главе становится известно, что Следопыта на самом деле зовут Мишка, а Овод — вообще девчонка). Они-то родились вовремя: успели повоевать вместе с самим Буденным, поймать Голубую лисицу — страшного атамана кулацких банд батьку Махно. Мы еще не знали, какие испытания выпадут и на нашу долю через несколько лет, в 1941 году...

Кроме того, эта книга подтверждала то, что мы изо всех сил старались доказать и себе и родителям: мы не маленькие, мы многое можем, посмотрите, какой отважной и ловкой была юная троица, не зря враги принимали их за нечистую силу, не зря прозвали «красными дьяволятами».

Потом, во время Великой Отечественной, нам на деле пришлось доказывать, что мы умеем защищать Родину и делаем это не хуже легендарных ребят из знаменитой книжки П. Бляхина.

Не знаю, в какой степени от книжки, прочитанной в детстве, может зависеть судьба человека, но могу сказать точно: детское желание быть похожим на «дьяволят» даром для меня не пропало.

В 1944 году летчик-истребитель Е. П. Мариинский был представлен к званию Героя Советского Союза. В том году ему исполнилось двадцать лет. За год службы он сбил семнадцать вражеских самолетов. 1 мая 1945 года над Берлином Евгений Пахомович сбил свой последний, двадцатый, самолет.

Сейчас Евгений Пахомович Мариинский — главный редактор альманаха «Подвиг». Он написал четыре книги о войне, в том числе и книгу для детей «Тропой подвига».

Эстафета олимпийского огня — это символ мира и дружбы между народами.

Свой путь олимпийский огонь начнет 19 июня в Греции, в Олимпии. И целый месяц он будет лететь по дорогам Греции, Болгарии, Румынии и нашей страны.

Пять тысяч километров преодолеют бегуны-факелоносцы, прежде чем доставят олимпийский огонь в Москву, на Центральный стадион имени В. И. Ленина.

Это произойдет 18 июля.

А 5 июля олимпийский огонь начнет свой путь по территории Советского Союза — от Государственной границы СССР до города-героя Москвы, столицы Игр XXII Олимпиады.

По советской земле огонь пронесут лучшие спортсмены нашей Родины. Каждый из них пробежит один километр — свой этап олимпийского маршрута.

В городах и поселках олимпийский огонь будет ждать торжественная встреча. Факелоносцы в сопровождении почетного эскорта пробегут по главным улицам и передадут факел очередному участнику эстафеты.

После торжественного открытия Игр олимпийский огонь на поездах доставят в Ленинград, Киев и Минск, где пройдут соревнования по футболу, и в Таллин, где откроется парусная регата.

Среди тех, кто будет участником эстафеты олимпийского огня,— молодые строители ударных комсомольских строек и олимпийских сооружений, передовики труда, чемпионы мира и Европы, Олимпийских игр и, конечно, юные спортсмены клубов «Кожаный мяч», «Золотая шайба», победители игр «Старты надежд». Но каждый, кто будет сопровождать олимпийский огонь, должен быть значкистом ГТО.

Сегодня журнал «Пионер» предлагает тебе, дорогой читатель, всем пионерским активистам карту-схему эстафеты олимпийского огня по территории нашей Родины.

Мы уверены, что пионерские отряды и дружины тех мест, где пройдет эстафета, хорошо подготовятся к встрече долгожданного олимпийского огня, проведут праздники и сборы, посвященные Олимпиаде-80, цветами встретят бегунов-факелоносцев.

Здравствуй, олимпийский огонь!

Каменец-Подольский
Хотин
8 июля
Черновцы
Новоселица
Комсомольское
Дунаевцы
Бердич
Калиновка
10 июля
граница МССР и УССР
Ярмолинцы
Липканы
Винница
Житом
Хмельницкий
Бричаны
Литин
Коросты
11 июля
Летичев
9 июля
Единцы
7 июля
5 июля
Государственная граница (Леушены) СССР
Киев
Бельцы
Борисполь
12 июля
Котовск
Пирятин
Лазовск
Кишинев
Лубны
6 июля
Оргеев
Хорол
Полтава

Карта-схема эстафеты олимпийского огня по территории нашей Родины

Рисунки А. БОРИСОВА.

Олимпийская песенка

Музыка Л. СИДЕЛЬНИКОВА.

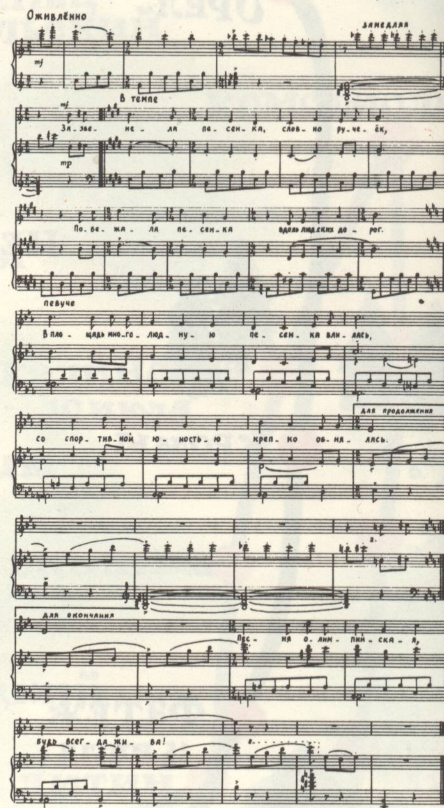
Слова В. СЕМЕРНИНА.

Зазвенела песенка,
Словно ручеек,
Побежала песенка
Вдоль людских дорог.
В площадь многолюдную
Песенка влилась,
Со спортивной юностью
Крепко обнялась!

Мы друзья-товарищи,
Верные друзья,
Нам под
душем-дождиком
Остывать нельзя...
Встало солнце раннее,
И зовет вперед
На соревнование
Ветер-ветерок!

На ветру волнуется
Улица рекой,
Подпевает улица
Песенке такой.
Вся поет спортивная,
Юная Москва...
Песня олимпийская,
Будь всегда жива!

СПОРТИВНАЯ ЮМОРИНА

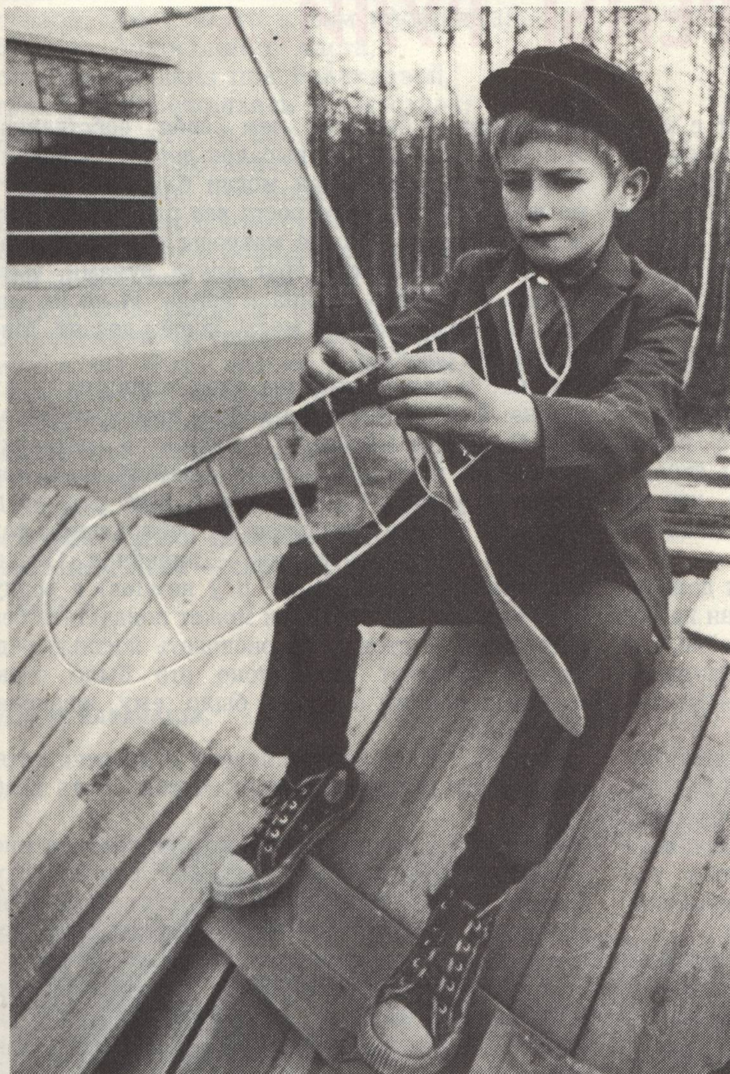
(ответы на вопросы игры из № 1)

1. Победит, конечно же, тот, кто поднял еще и магнит.
2. Бегущий впереди просто отнял медаль у победителя.
3. Сделать крест на одной руке пока никому не удавалось.
4. Такого вида спорта нет. В радиоспорте есть соревнования «охота на лис».
5. Одна из волейболисток в обуви с каблуками. Спортивные правила такой вид обуви не разрешают.
6. Табло просто выключено.
7. На плане площадка для гандбола.
8. Дерется, видимо, все же побежденный.
9. Судя по табло на судейском столе, ведет бой левый спортсмен.
10. У нападающего клюшка из русского хоккея. Гол засчитан все равно не будет.
11. Толя хочет сделать волан для бадминтона.
12. В городках есть фигура с названием «письмо».
13. Конечно, не тот, кто вел бой еще и ногами.
14. Партия засчитана в любом случае не будет. У этой доски семьдесят две клетки.
15. В любом случае победит тот, кто толкает ядро, а не яблоко.
16. Два очка засчитаны будут.
17. Ход Тани.
18. Роберт разрывается между: хоккеем, фехтованием, боксом, метанием молота, настольным теннисом, метанием диска, велоспортом, подводным плаванием, футболом, бегом на коньках.
19. Слава пытается сделать мяч для регби.
20. Результат будет засчитан в качестве мирового рекорда, если при установлении рекорда присутствуют не менее трех судей данного вида спорта из разных стран.
21. На поле всегда прав судья.
22. Тот, кто не участвовал. И вообще, то, чем они занимаются, никакого отношения к спорту не имеет. Художнику было даже противно их раскрашивать.

Фотографии
В. ПОСТНИКОВА,
Г. РОЗОВА.

«Мужское дело», «немужское дело»... Знакомые слова, не правда ли? И, конечно, всякий уважающий себя мужчина двенадцати лет считает, что он отлично в этом разбирается.

А может быть, любое дело, которое ты выполнил с блеском и умело, и есть мужское?

Сотворишь ли ты планер, который коснется крылом белого облака...

Укротишь ли степного скакуна...

Или свяжешь пушистый теплый подарок своей маме...

ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ

В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой.
Но лучше прийти с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.

М. Луконин.

В Одессе на улице Пастера есть мемориальная доска. На ней — имена тех, кто отдал свои жизни за освобождение города, и среди них — имя морского десантника, разведчика Григория Поженяна. Его считали погибшим — домой пришла похоронка. Но чудом он остался жив. И сегодня известный советский поэт Григорий Михайлович ПОЖЕНЯН—твой собеседник.

Г. М. Поженян. Фотография военных лет.

«У НАС ВОЙНОЙ ПРОВЕРЕНЫ РУЛИ...»

Когда затонувший корабль поднимают с морского дна, его сначала ремонтируют, а потом испытывают. Я участвовал в таких испытаниях.

Они проводятся на пределе — на пределе скорости, на пределе волны... Война — это долгое испытание человека на пределе — на пределе человеческих сил, всех человеческих возможностей...

Мне приходилось слышать от некоторых людей, что им на войне не было страшно. Я в это не верю. На фронте очень страшно, и страх этот усиливается оттого, что кажется, будто война не кончится никогда. Иногда становилось страшно за свои физические силы — казалось, что их может попросту не хватить, ведь отдыха-то не было. Отдыхали только в госпиталях.

Казалось бы, от этого страха человек должен согнуться. Не сгибались. Никогда в жизни не испытывал я такой высоты духа, как на войне, такого чувства справедливости, такой необходимости жить и быть самим собой, такой дружбы, наконец...

Вспоминаю, как однажды мы вчетвером пошли в разведку. Одного из нас убили. И мы нашего товарища, уже мертвого, несли на себе, чтобы похоронить на своей земле. Пока шли, всех нас троих ранило, и все-таки мы донесли его и похоронили на нашей земле со всеми воинскими почестями.

Сильнее страха за себя был страх за других. Страшно посылать человека в разведку, когда знаешь, что он может погибнуть. Кого послать? Все друзья, всех любишь, всех жалко...

На войне жизнь другого человека, как это ни кажется странным, значила для каждого из нас неизмеримо больше, чем своя собственная. Я вспоминаю одну из высадок десанта в Крыму. Корабли подошли как могли близко к берегу, но людям маленького роста все равно было с головой. И тогда рослые матросы прыгнули в воду, встали, обхватив друг друга руками, вытянулись в линию — спина к спине. И по их спинам, по этому живому мосту пошел десант. Многие из них погибли...

У нас в полку служила одна женщина — Аннушка. Вся ее жизнь на войне, по-моему, — подвиг. Она была матросом, ходила в разведку, выполняла воинскую мужскую работу, и мы привыкли к этому. А удивила она всех нас, когда однажды смогла проползти на нейтральную территорию, где паслась коза — ничейная. Она ее подоила (на глазах у нас и у немцев) и вернулась в окопы. Ее поступок может показаться безрассудным — стоило ли рисковать жизнью ради кружки молока? Но молоко это было очень нужно раненому солдату, было ему жизненно необходимо...

Я знаю, что многие мальчики и девочки хотят понять: что нужно для того, чтобы стать храбрым?

Однажды в детстве моя бабушка сказала мне: «Знаешь, почему ты мне нагрубил, почему ослушался? Ты это себе разрешил». Нужно не разрешать себе слабости, не разрешать быть трусом, стать ничтожеством.

Мой сын как-то пришел из школы и сказал, что у них, у шестиклассников, хулиганы отнимают завтраки. Я спросил: «Сколько их?» «Пятеро». «Приведи ко мне четырех своих друзей, — сказал я, — будем заниматься боксом».

Мы упорно тренировались, и однажды я сказал ребятам: «Теперь вы победите своих обидчиков». Шестиклассники стали поджидать хулиганов и одолели их. Почему? Во-первых, потому что были уверены в своих силах. Во-вторых, были уверены в своей правоте. В-третьих, они защищали честь класса. Нужно учиться стоять за себя.

Я уверен, что человек трусливый, подлый не может иметь ни верных друзей, ни достойной любви, ни настоящей судьбы...

На войне каждый человек видится таким, каков он есть на самом деле. Поэтому дружить было легче. У меня есть такие строки: «Легче было на войне под бомбежкою в кювете, чем в прогретой тишине, задремавшей на паркете, при колеблющемся свете принимать решенье мне».

Я многому научился на войне. Для меня возвращение в прошлое — путь к себе, потрясенному и возвышенному горем. Тогда свое «я» уходило на второй план рядом с ежедневными потерями друзей и общенародной бедою. Вот почему много лет спустя я написал стихи, в которых наиболее весомой была строка: «У нас войной проверены рули...»

ПРОЛОГ

Не тем, что полстолетья будут сцены
изображать солдатский наш уют;
не тем, что в двадцать лет узнали цену
тому, что люди в сорок узнают;
не сединой, что, может, слишком рано
легла походной пылью на виски,
когда мы, жизнь промерив на броски,
считали мины, не считая раны;
не славой, что пришла к нам неспроста:
на бланках похоронного листа,
на остриях штыков под Балаклавой,
в огнях ракет рождалась наша слава;
ни даже тем, что, выйдя в путь тернистый,
мы научились жертвовать собой,—
мы тем гордимся, что последний выстрел
завещан нам отцовскою судьбой;
гордимся мы, что в наш двадцатый век
на той земле, где дни не дни, а даты,
в семнадцатом родился человек
с пожизненною метрикой солдата;
гордимся мы, быть может, даже тем,
что нам о нас не написать поэм;
и только ты, далекий правнук мой,
поймешь, что рамка с черною каймой
нам будет так узка и так мала,
что выйдем мы из бронзы, из стекла,
проступим солью, каплею, росой,
на звездном небе — светлой полосой.

1947 г.

* * *

«Вернешься — ты будешь героем,
ты будешь бессмертен. Иди!»
И стало тревожно, не скрою,
и что-то кольнуло в груди,
и рухнул весь мир за плечами:
полшага вперед — и в века...
Как это не просто — в молчанье
коснуться рукой козырька,
расправить шинельные складки,
прислушаться к дальней пальбе,
взять светлую сумку взрывчатки
и тут же забыть о себе...
А почестей мы не просили,
не ждали наград за дела.
Нам общая слава России
солдатской наградой была.
Да много ли надо солдату,
что знал и печаль и успех:
по трудному счастью — на брата
да красное знамя — на всех.

1948 г.

Рисунок Д. БАРАБАША.

У нас в гостях журнал латышских ребят «ДРАУГС»

Наш журнал называется «Драугс». По-латышски это значит «Друг». И понятно, что мы хотим, чтобы наш журнал был настоящим другом читателей.

«Драугс» читают и пионеры и комсомольцы-старшеклассники. Поэтому мы говорим с ребятами об их будущих профессиях, помогаем старшеклассникам работать с младшими.

В журнале есть раздел «Я прошу слова», где печатаются стихи и рассказы юных авторов.

Ребята-корреспонденты встречаются в редакции, им есть о чем поговорить, что обсудить. Бывает, что их споры выносятся на страницы журнала, чтобы все читатели приняли в них участие. Нередко ребята подсказывают редакции темы, интересующие их.

Сегодня у нашего журнала праздник. Мы в гостях у «Пионера». С журналом латышских ребят познакомятся ребята всего Советского Союза!

Эрика ПОДКАЛНЕ,
главный редактор журнала «Драугс».

Рига — столица республики.

В СОЗВЕЗДИИ БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК

Артур ПЛАУДЕ,
первый секретарь ЦК ЛКСМ Латвии

Латвия, если ее сравнивать с просторами Сибири, Казахстана или Украины, невелика. Но не так уж и мала. Она в полтора раза больше Дании и Швеции.

В судьбе латышского народа, как в капле воды, отражается немеркнущее солнце идей и свершений Великого Октября. Однако путь латышей к окончательной победе социализма был длительный и сложный.

Советская власть в Латвии установилась в 1917 году. Но часть территории тогда была оккупирована немецкими войсками, и оккупанты подавили революцию.

Победила Советская власть во всей Латвии в 1919 году. И уже в первые месяцы были национализированы заводы, фабрики, магазины, создан Латвийский государственный университет, основаны Государственная опера, Рабочий театр, Академия художеств.

28 февраля 1919 года родился комсомол Латвии.

Но контрреволюция и международный империализм не сложили оружия. Они потопили в крови Советскую власть. Двадцать лет правила в Латвии буржуазия.

Партия и комсомол ушли в подполье и продолжали бороться за счастье своей страны.

Летом 1940 года под руководством Коммунистической партии Латвии, с помощью братского Советского Союза трудящиеся свергли ненавистную диктатуру буржуазии. 5 августа Латвия вступила в Союз Советских Социалистических Республик. Вскоре комсомол создал пионерскую организацию республики.

Во время Великой Отечественной войны тысячи комсомольцев добровольцами ушли на фронт. Они героически обороняли Ригу и Лиепаю, в 1941 году самоотверженно сражались на подступах к Москве.

Двадцать тысяч сынов и дочерей нашей республики награждены орденами и медалями, тридцать восемь стали Героями Советского Союза.

В истории комсомола навеки останутся имена смелых подпольщиков Иманта Судмалиса, Малдиса Скрейи и Джемса Банковича. В подполье храбро действовали и пионеры.

Сегодня в рядах комсомола Латвии триста тысяч юношей и девушек. Родина высоко оценила вклад всех поколений комсомола в борьбу за Советскую власть, за построение нового общества: на знамени нашей комсомольской организации сияет орден Трудового Красного Знамени. Много добрых и полезных дел и у нашей смены — юных ленинцев.

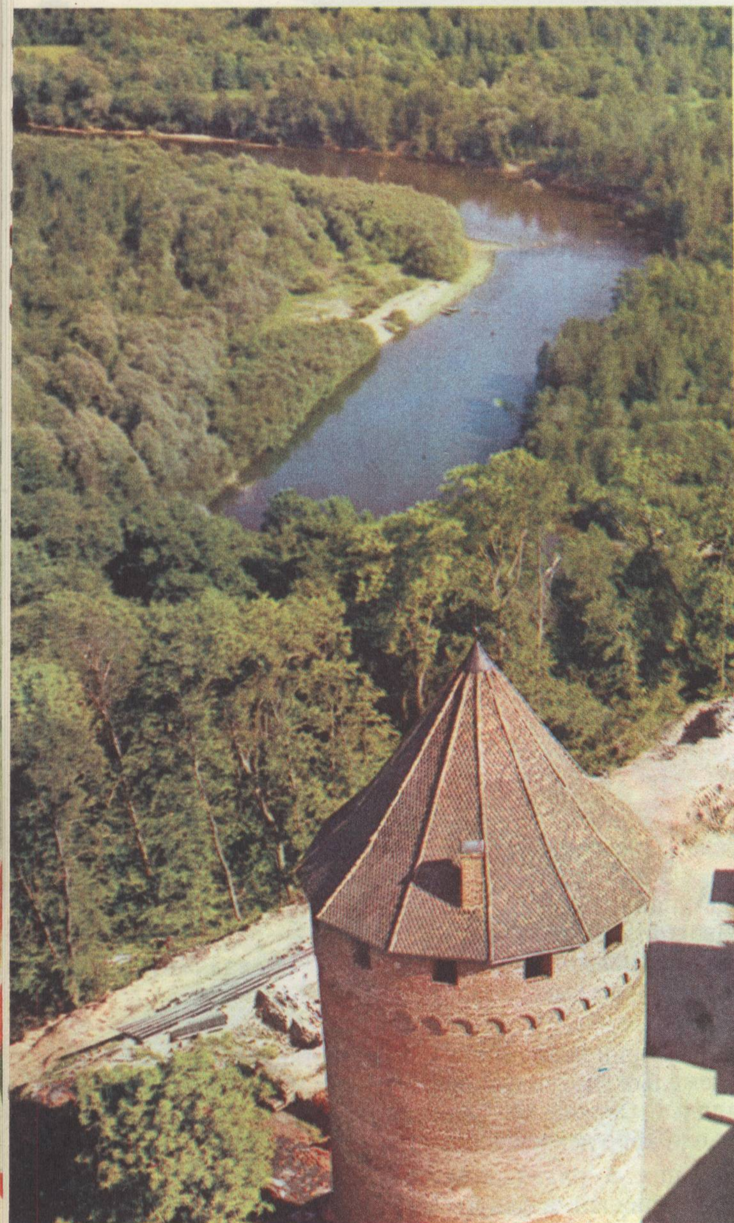
После войны при поддержке и помощи Страны Советов Латвия превратилась в цветущий край.

Продукция производственных объединений ВЭФ, «Альфа», «Радиотехника», Рижского дизелестроительного завода, завода микроавтобусов РАФ, Даугавпилсского завода химического волокна имени Ленинского комсомола пользуется доброй славой и за пределами Латвии.

Более двух тысяч изделий промышленности республики выпускается с государственным Знаком качества.

Радиолы, транзисторные радиоприемники, медицинские препараты, изготовленные в Латвии, покупают в семидесяти семи странах: в странах СЭВ, в Великобритании, Бельгии, Греции, Бра-

Фотография Б. ЗАДВИЛЯ.

Живописные берега реки Гауи объявлены национальным парком.

Огромную площадь в Латвии занимают картофельные поля.

Такие микроавтобусы — их называют «рафики» — производит Елгавский завод. Во время Олимпиады они будут перевозить участников и гостей Игр.

зилии, в развивающихся государствах Азии и Африки.

Латвия — республика морская. За годы Советской власти неузнаваемо изменилась жизнь рыбаков. На месте ветхих рыбачьих хижин и покосившихся коптилен выросли светлые поселки со школами, домами культуры, стадионами, рыбоконсервными заводами. Вместо просмоленных рыбачьих лодок просторы моря бороздят сегодня траулеры, которым не страшны грозные бури. Наши рыбопромысловые суда можно встретить на всех широтах Атлантики. И большинство рыбаков — комсомольцы, молодежь.

Советскую Латвию связывает нерушимая дружба со всеми республиками Страны Советов. И эта дружба — на века.

Десятки судов приходят каждый день в Рижский порт.

На фабрике «Лаума» современные машины плетут красивые кружева.

Фотографии Б. ЗАДВИЛЯ, В. ЗИВЦА, А. ЛИЕПИНЬША, Г. БИРКМАНИСА.

Юлий ВАНАГ

Разговор с Лениным

РАССКАЗ

Фотография А. ЛИЕПИНЬША.

Рига. Памятник латышским стрелкам.
В дни Октября пятьдесят восемь тысяч латышских стрелков стали на сторону революции. Они участвовали в штурме Зимнего дворца, охраняли Ленина в Смольном и в Кремле, подавляли контрреволюционные мятежи, сражались на фронтах гражданской войны...

В коридорах Смольного и днем и ночью было полно людей. Потише было на втором этаже, где находилась восемьдесят шестая комната. В ней работал Владимир Ильич Ленин.

Красные латышские стрелки, каждый час сменявшиеся в карауле у дверей восемьдесят шестой, диву давались:

— Когда же Ильич спит?

До поздней ночи, а порой и до первых лучей солнца приходили сюда люди с важными и неотложными вопросами.

...Полночь. В просторном помещении секретариата тишина. Только изредка в коридоре хлопала входная дверь, слышались торопливые шаги.

Восемьдесят шестую комнату охраняет молодой латышский стрелок Янис Рубенис. Он приставил ружье к ноге и прислушался. В восемьдесят шестой тихо. Наконец-то Владимиру Ильичу никто не мешает работать. А может быть, он отдыхает... Редко выдавались у него такие спокойные минуты...

Прислонившись спиной к косяку, Янис вынул из-за пазухи тонкую книжку.

На серой обложке написано: Райнис, «Золотой конь».

Янис, не выпуская из правой руки ружья, левой поднял книжку поближе к слабо горевшей под потолком электрической лампочке и отыскал нужную страницу.

В который раз он перечитывал «Сказку весеннего солнца». Шепотом, с глубоким чувством Янис читал строку за строкой.

Весеннее солнце!

Это революция.

А Саулведис — герой, который приводит освобожденное от зимнего плена солнце ко всем обездоленным и сиротам,— это он, Янис.

Нет. Это все они: стрелки, революционеры. Все, кто закалился сердцем и духом в пламенном горниле 1905 года, в огне суровых октябрьских боев...

Янис закрыл книжку и шепотом произнес:

То свое, что для другого
Кто отдаст, тот получает,
Победит, кто потеряет,
Устоит, кто изменился!

Неожиданно открылась дверь восемьдесят шестой, на пороге ее стоял Ленин.

Янис, застигнутый врасплох, встал навытяжку, приклад ружья стукнул о пол. Сунуть книжку за пазуху он не успел.

«Что теперь будет? — подумал, краснея, Янис. — Чтение на посту...»

Ленин уже прошел было мимо Яниса и вдруг обернулся.

— А! Вы читаете? Это хорошо. Каждой минутой надо пользоваться для учебы. Нам надо многому учиться. А что вы читаете, позвольте узнать?

Он протянул руку к книжке.

— Это Райнис, Владимир Ильич! Латышский поэт.

— Латышский? Да, да, вы же латыш. Латыши — настоящие революционеры, борцы. Спасибо, по-латышски я не умею читать...

И он вышел в коридор.

Молодой стрелок словно вырос на целую голову. Не таясь, он снова раскрыл книгу. Из нее выпал пожелтевший, сложенный пополам листок. Янис наклонился и поднял его. Это был Декрет о земле.

Янис Рубенис, сын батрака из Ингурмуйжи, знал этот Декрет наизусть и все же, развернув пожелтевший листок, он снова внимательно перечитал его. Слова о земле звучали для него, как фанфары.

ПОМЕЩИЧЬЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ ОТМЕНЯЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО БЕЗ ВСЯКОГО ВЫКУПА... ВСЯ ЗЕМЛЯ... ОБРАЩАЕТСЯ В ВСЕНАРОДНОЕ ДОСТОЯНИЕ И ПЕРЕХОДИТ В ПОЛЬЗОВАНИЕ ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ НА НЕЙ...

...Когда революция победит окончательно и латышские стрелки смогут разъехаться по домам, Янис Рубенис вернется в свою родную Ингурмуйжскую волость и будет пахать землю...

Нет, нет, он не будет пахать в одиночку! Все бывшие батраки соберутся на высоком холме над озером Силабебру и создадут БОЛЬШОЕ ОБЩЕЕ ХОЗЯЙСТВО. Да, да, о таком хозяйстве говорил вчера Владимир Ильич.

Ленин часто спускался вниз, в огромный, до отказа набитый людьми зал Смольного и отвечал на вопросы. И стрелки, свободные от службы, тоже слушали Владимира Ильича. Слушал его и Янис. Жаль только, что таких свободных минут было мало.

Янис собрался было открыть книжку, как вошел молодой человек в шинели.

— Я к Ленину, — сказал он охрипшим голосом и протянул пропуск.

Янис взял пропуск, прочитал. Работник комиссариата внутренних дел. Латыш. Янис внимательно посмотрел на пришедшего. Нет, он не встречал его...

— Товарища Ленина нет, — сказал Янис, возвращая пропуск. — Он только что вышел.

— Я подожду...

И тут вошел Ленин. Увидев ожидавшего, он остановился.

— Вы ко мне?

— К вам, Владимир Ильич.

— Так поздно? Гм...

— Я комиссар по делам беженцев. Мне поручено послать крупную сумму денег в Новочеркасск беженцам из Польши. Но там объявились белогвардейские банды Каледина и Краснова. Посылать деньги рискованно... Что делать?

Ленин, внимательно выслушав комиссара, сделал несколько шагов, остановился и, прищурившись, сказал:

— И я не знаю...

Потом спросил:

— Этот вопрос поручено решать вам?

— Мне.

— И вы не знаете, как поступить?

— Не знаю.

— Так думайте! Почему вместо вас должен думать кто-то другой? Я тоже не знаю, как управлять таким огромным государством, как наше, но ничего не поделаешь, надо управлять!

И после паузы добавил:

— Идите домой и думайте! Тщательно взвесьте все «за» и «против» и решайте. Мы все молодые работники. Главное — не уходить от ответственности. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, Владимир Ильич!

Пожав руку молодому комиссару, Ленин скрылся за дверью своей комнаты.

— Слышал? — спросил комиссар у Яниса. — Это он-то не знает, как управлять государством! Прекрасно знает!

— Конечно, знает.

— Наверное, сказал так, чтобы меня не обидеть.

— Что же ты будешь делать?

— Пойду домой и буду думать. А ты смотри, охраняй Ленина как следует!

— Не беспокойся!

Перевела Т. СЕРКОВА.

А. ЛЕТИНЬШ

СУХОПУТНЫЕ РЫБАКИ

Фотографии А. ЛИЕПИНЬША.

Рыбак. Он представляется нам сильным, обветренным морскими ветрами, бесстрашно бороздящим моря и океаны.

Но сегодня мы хотим рассказать о тех, кто первыми встречают в порту корабли и последними провожают их в плавание,— о докерах. Их еще называют «сухопутными рыбаками».

В Рижском морском порту работают двенадцать бригад докеров.

— Двадцать лет назад я пришел в порт,— рассказывает кавалер ордена Трудовой Славы, руководитель комплексной комсомольско-молодежной бригады докеров Янис Шимис.— Тогда мы разгружали и загружали суда вручную. Трудная это и однообразная работа. Взбегаешь по сходням на корабль, взваливаешь на плечи тридцатикилограммовый ящик с рыбой — и скорей к машине или к вагону. Подсчитано, что докер проходил за день расстояние от Риги до Сигулды, причем полдороги с грузом на плечах. Бывало, приходишь домой после смены усталый и только и мечтаешь об одном: поесть и скорее на боковую.

А сейчас наша работа и легче и интереснее: мы выполняем больше трех десятков операций. Помогают нам авто- и электропогрузчики, подъемные краны. Конечно, чтобы управлять такой техникой, надо учиться. Надо уметь починить ее, наладить. Так что сегодняшнему докеру нужны не только хорошее здоровье и сила, нужна и хорошая голова на плечах.

Рижский рыбный порт принимает и морские, и океанские лайнеры, и плавучие базы — рыбные фабрики, и маленькие суда из ближайших рыболовецких районов.

Опытный докер должен заранее приготовить механизмы для приема рыбы.

В Рижском порту работает много молодежи из разных республик нашей страны. Что влечет их сюда? Янис Шимис считает: корабли и море.

На верхнем снимке — Янис Шимис. Внизу — его бригада на разгрузке судна.

А. ГРИГУЛИС

Большая книжка

Взяли мы две книжки,—
Папа взял и я
(Папина — большая,
Тонкая — моя).
Думал я, все думал
И решил сказать:
— Я хочу большую
Книжку почитать.
Папа улыбнулся,
Возражать не стал.
Взял мою он книжку,
Мне свою отдал.
Долго я старался,
Но прочесть не мог.
—Что это за буквы?
—Формулы, сынок.
Очень интересно,
Только не понять.
Попросил я снова
Книжку поменять.
И сказал мне папа:
—Потерпи, сынок.
Я когда-то тоже
Их понять не мог.

Перевела Л. РОМАНЕНКО.

Дз. РИНКУЛЕ-ЗЕМЗАРЕ

Концерт весны

Кажется иве —
Вот чудеса —
Слышны в листве у нее
Голоса.
Воздух весенний
Ясен и чист.
Чье это пенье?
Чей это свист?
Лютик проснулся,
Музыке рад —
Сойки запели,
Пчелы жужжат.
Звонкая песня
Всюду слышна —
Первый концерт
Начинает весна.

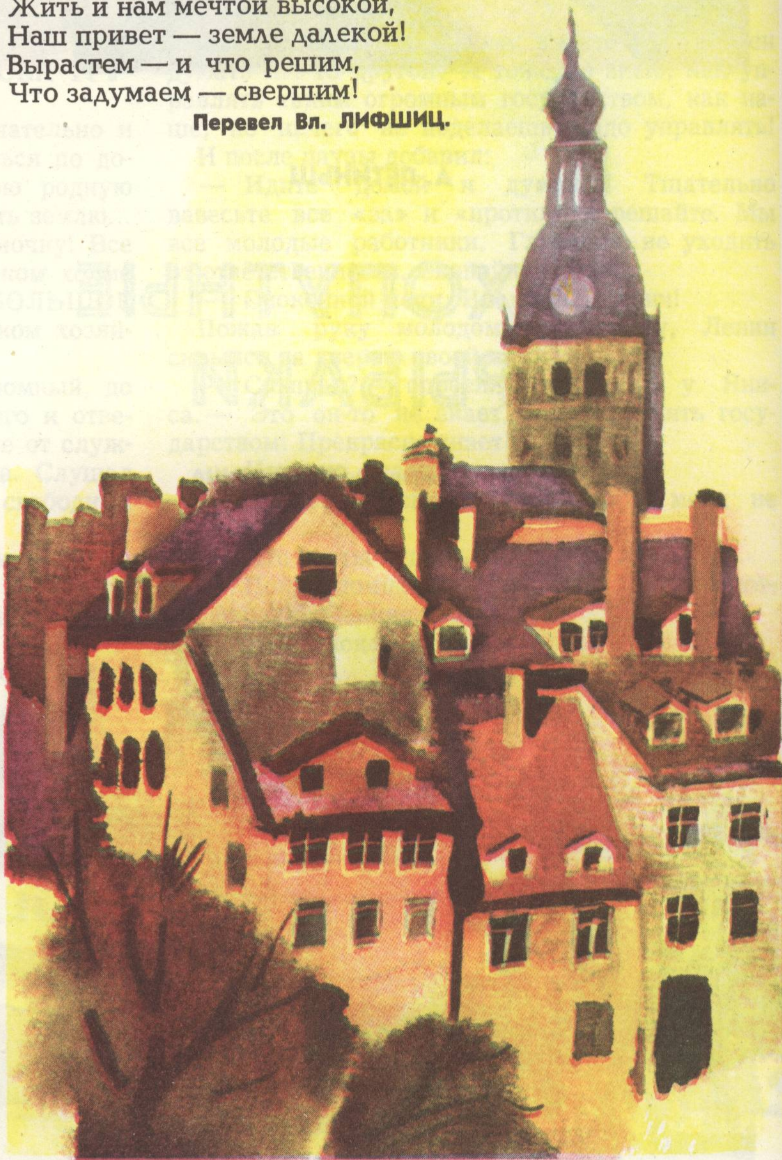
Перевел В. ВИКТОРОВ.

Анна БРОДЕЛЕ

Далеко простираются темные боры

Синих туч над темным бором
Не объять влюбленным взором.
Золотистый, как песок,
Блещет солнца поясок.
Реки светлые струятся,
Облака к востоку мчатся,
Им березки шлют привет —
Машут ветками вослед.
Жить и нам мечтой высокой,
Наш привет — земле далекой!
Вырастем — и что решим,
Что задумаем — свершим!

Перевел Вл. ЛИФШИЦ.

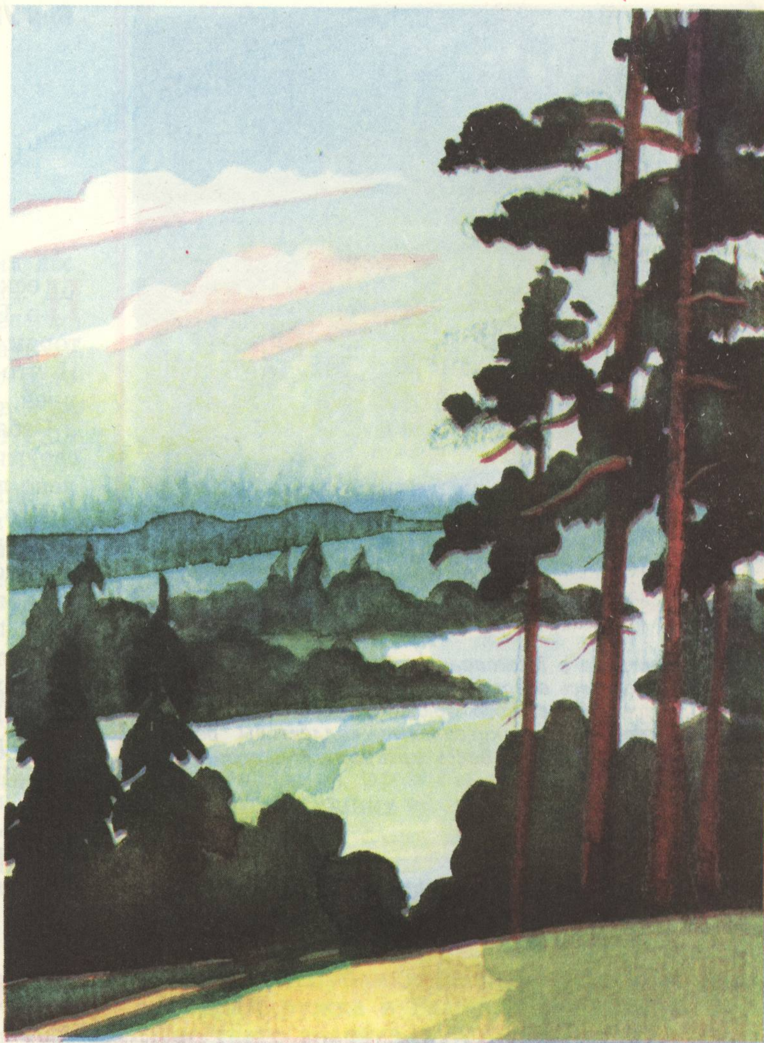
Ояр ВАЦИЕТИС

Война

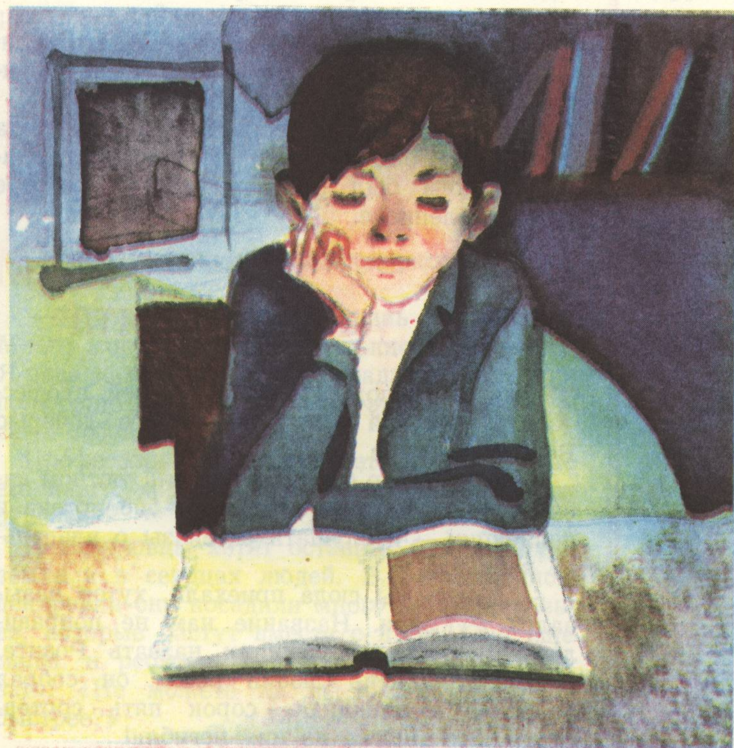
Шла война. С огнем и сталью
Враг пришел в мою страну.
И мальчишки перестали
На дворе играть в войну.
Поле некому засеять,
Кран замерз, молчит вода.
Твой отец — в шинели серой,
Он уходит навсегда.
На войне в дыму пехота,
На войне в огне дома.
Всю отцовскую работу
Мама делает сама.
Меньше хлеба дома стало,
Да в углах побольше тьмы.
Ведь война всем детям малым
Не дает побыть детьми.

Мир тебя встречает смехом,
Мир глядит во все глаза!
Твой отец, куда б ни ехал,
Возвращается назад.
Растопыривает иглы
Ель над самой головой.
Охраняет наши игры
На границе часовой.

Перевела Л. АЗАРОВА.

Рисунки В. ДУДКИНА.

А. ЛОЧМЕЛИС

В орешнике

Веточку орешника
Низко наклоняю.
Гроздь коричневых орехов
Радостно срываю.
Бравые ребята резво
В горсть мою ложатся,
Лишь один не хочет
С веточкой расстаться.
—Ну-ка, покажи, орешек,
Сколько солнца в тебе
скрывается?
На зуб его. Он рассыпается —
Пуст...

Перевел Г. ГОРСКИЙ.

Большая эстрада в Межапарке в Риге. Летом семьдесят девятого года здесь впервые проходил детский Праздник песни. Со всего Советского Союза в гости к рижанам приехали хоровые и танцевальные коллективы ребят. Несколько дней звучали здесь прекрасные мелодии народов нашей страны.

Имант КОКАРС,
профессор Латвийской Государственной консерватории, лауреат Государственной премии СССР

Человек не может без песни

Издавна существуют в Латвии народные хоры.

Когда я был мальчишкой, я тоже пел в хоре. Но тогда все было по-иному. Человек, поющий в хоре сегодня, не только музыкален и любит песню. Он и ноты читает, и по-настоящему разбирается в музыке.

Я рад, что наша молодежь любит песню и что у нас проводится детский Праздник песни. Очень важно с детства развивать свои музыкальные способности, овладевать высокой хоровой культурой.

Я уверен, что песня сближает людей. Где бы я ни был — в Швеции или Италии, Японии или на Филиппинах,— как только начинала звучать песня, у всех словно раскрывались сердца.

Человек не может без песни. И прекрасно, когда в его жизни есть такое огромное богатство — народная песня. Его надо хранить, никогда не забывать.

Вия УПМАЛЕ

КАК СПАСЛИ

Несколько лет назад они узнали, что где-то в Балдонском лесу есть дендрарий, в котором растет более ста чужеземных деревьев. И что вырастил их профессор Пауль Галениек.

Ребятам, конечно, захотелось все увидеть своими глазами. Но где этот дендрарий? Далеко ли?

Кто говорил в восьми, а кто — в тридцати километрах от станции...

...Долго шли по густому Балдонскому лесу, совсем непохожему на знакомый Видземский с его пронизанными солнцем соснами и белыми головами песчаных дюн. Наконец, идущие впереди возвестили:

— Внимание! Дом!

Когда ребята подошли к дому, окруженному пирамидами елей, на крыльцо вышла седая женщина. На вопросы ребят она с грустью ответила:

— Какой уж тут дендрарий! Все гибнет. У меня нет сил...

Операция «Розите»

Сначала были письма, телефонные звонки. Ребята договаривались с лесничеством, в ведении которого был дендрарий.

Весной, с первыми лучами весеннего солнца, тимуровцы снова появились в заброшенном дендрарии.

С тех пор четыре весны приезжали сюда пионеры. И они победили. Дендрарий стал таким, каким был когда-то при профессоре Пауле Галениеке.

Что узнали ребята

Тимуровцы подружились с женой профессора Марией Галениеце и его дочерью Вентой Смагаре.

Как интересно собраться всем в уютном кабинете профессора — здесь его библиотека и коллекции — и слушать рассказы о владельце кабинета.

— Когда мы сюда приехали, хутор назывался Рукмани. Название нам не понравилось, подумали и решили назвать Розите. Профессор очень любил розы, он собрал большую коллекцию — сорок пять сортов. Жаль, что многие из них погибли!

ИДЕТ ВСЕСОЮЗНЫЙ МАРШ «ПИОНЕРЫ ВСЕЙ СТРАНЫ ДЕЛУ ЛЕНИНА ВЕРНЫ!»

ТИМУРОВЦЫ И ДЕНДРАРИЙ

Профессор был сыном лесника, любил лес, наслаждался его тишиной и пением птиц. Добраться в те годы до Розите было нелегко. На поезде, потом на пароме через Даугаву, снова на поезде до Балдоне. Поезд по рельсам тащила лошадь, а на подъемах в гору пассажиры выходили и шли рядом. От станции до Розите шли пешком.

И Вента рассказывала ребятам об отце:

— Мы считали отца самым умным человеком на свете. Чего он только не знал! Как интересно рассказывал он про каждую птицу, про каждое дерево. Помню его все время в движении, в работе, всегда он что-то искал, исследовал, собирал.

В темные вечера, когда ярко светят звезды, он учил нас различать созвездия, планеты, рассказывал о них. Субботними вечерами часто играл на губной гармошке, а мы пели народные песни…

Папа побывал во многих странах: во Франции, Германии, Италии, Швеции, Швейцарии.

Оттуда он и привез семена деревьев, за которыми вы теперь ухаживаете.

Сколько потребовалось терпения, труда, умения ждать, пока из крохотного росточка вырастет большое дерево. У папы был «детский сад» — в нем он выращивал саженцы, — а потом пересаживал маленькие деревца на отведенное им в дендрарии место.

Радость Марии Галениеце

Мария Галениеце с благодарностью говорит:

— Пионеры вернули жизнь дендрарию. Много могут сделать маленькие руки ребят! Я рада за наш дендрарий и рада за ребят: они полюбили природу. Любовь эта не приходит сама собой.

Профессора Галениека нет среди нас, но его книги живут, зеленеют посаженные им деревья.

И тимуровцы хотят оставить свой след на земле и в сердцах людей. В возрожденном дендрарии они посадили много новых деревьев, которые растут вместе с ними. Они еще малы, и ребятам, наверно, хочется им сказать: «Не можете ли вы расти немножко быстрее?»

Много интересных дел у пионеров Латвии.

В республике более двухсот клубов интернациональной дружбы. Каждый год представители лучших клубов собираются на республиканский слет, обмениваются опытом, делятся впечатлениями.

На верхнем снимке ты видишь ребят, которые приехали на такой слет.

А на нижнем — первый народный детский театр в республике. Начинался он с обычного драмкружка в Валмиерской школе. Сейчас театр знают и любят все ребята города Валмиеры. Он даже выезжает на гастроли в другие города Латвии.

Фотографии А. ЛИЕПИНЬША

И. ИВЕ

ШКОЛА НА БЕРЕГУ МОРЯ

Фотография А. ЛИЕПИНЬША.

В Энгуре я приехала холодным ветреным днем. Сразу отправилась в школу, о которой много слышала. Она расположена на самом берегу моря.

Долго мы беседовали с ребятами из команды «лучших моряков и рыбаков» — это звание присуждается победителям республиканских конкурсов школьников.

Все они разные. Валдис Принце уверен, что он будет моряком, пойдет учиться в мореходную школу на судового механика. Айвар Курмис и Айнар Гросенс говорят: «Может быть...» А Игорь Озолинь и Вилнис Брунениек говорят: нет, море не их призвание.

Почему? Родители всех этих ребят — рыбаки или связаны с рыболовецкими колхозами. Все они живут у моря и с колыбели слышат его зовущий голос...

Но не так просто выбрать профессию.

Улдис Берг родился далеко от моря, в Лигатне. Мама у него учительница, отец работает в пекарне. Улдис окончил восьмилетнюю школу в Лигатне и приехал сюда, в Энгуре.

— Я давно мечтаю о море. Читал о нем все, что мог найти...

Наверное, здорово надо любить море, чтобы в пятнадцать лет уехать из дома и жить в интернате.

— Когда узнал, что в Энгуре с девятого класса обучают профессии рыбака, решил учиться здесь. Спасибо, родители не возражали, хотя, честно говоря, нелегко жить вдали от дома... — рассказывает Улдис.

Он пишет прекрасные сочинения, участвует в республиканских физических и математических олимпиадах и усердно учится будущей своей специальности.

Устройству рыболовецкого судна и управлению им, основам навигации, сигнализации, технике рыбной ловли — вот чему учат мальчиков в старших классах.

Ну, а девочки?

Рута Фишере, мастер цеха обработки рыбы, вспоминает о своем пути в профессию:

— Я тоже родилась далеко от моря, в Балвском районе, но к морю меня тянуло с детства. Училась в Рижском техникуме пищевой промышленности. После первого курса преподаватель спросил нас: «Не передумали?» Наша профессия требует не только любви. Порой во время путины приходится отказываться от свободных вечеров, от выходных, праздников. И все-таки не представляю себя без моря. И без девочек, которых я обучаю сейчас.

В цехе обработки стоит резкий запах рыбы, запах моря. Огромные ванны заполнены серебристой мойвой... Ее надо перебрать, рассортировать, перечистить...

— Даже если девочки не станут специалистами по обработке рыбы, они научатся главному: уважению к труду, выдержке, ответственности. Все это им пригодится в жизни. Человека надо учить не только специальности, надо подготовить его к трудовой жизни.

В этом году у десятиклассников будет морская практика. Море покажет им себя. Его надо не только любить, но и знать.

Имант ЗИЕДОНИС

БЕЛАЯ СКАЗКА

Вчера выпал первый снег. И все стало белым. Таким белым, что теперь ничего нельзя отличить друг от друга. Белая курочка снесла белое яичко и потеряла его в белом снегу. Белый петух спел белую песенку, она убежала на задний двор, примерзла к притолоке и осталась висеть белой сосулькой. У белой белочки родились белые бельчата. Они сразу же запрыгали по белым веткам, и бедная белая белочка не может их найти. Все деревья от макушек до корней белые. Я иду по лесу и не могу понять, где белые деревья, а где белый день.

Дым из трубы идет белый, и чернила в моей чернильнице тоже стали белыми, не знаю, сможете ли вы прочесть, что я тут написал. Я ем белый хлеб и пью кофе с белым молоком. Сегодня утром почистил ботинки, крем тоже оказался белым.

И речка белая. Я нашел прорубь, закинул удочку, вытащил огромную щуку, вспорол ее белое брюхо, оттуда выскочил белый утенок (обжора утром проглотила его). Я сунул ему в клюв эту записку и сказал, чтобы он отнес ее вам. Когда получите мое письмо, позаботьтесь об утенке, покормите его и оставьте у себя.

Правда, вам каждый вечер придется подогревать большое белое ведро воды: утята любят полоскаться в теплой воде. Когда утенок вырастет, станет белой уткой и снесет белое яичко, напишите мне!

Мой адрес: Белый берег реки. Белому кроту.

PS. Все, что я написал, вы можете нарисовать, но только белой краской, без единой черной черточки.

СЕРАЯ СКАЗКА

Я Серый цвет. Я серый, как воробей, как пыль, как пепел. Я Серый цвет! И только потому, что на свете существую я, люди могут любоваться другими красками.

Где я живу? Где вы можете меня увидеть? Да всюду.

Прошла зима, снег стал серым, пористым, на земле показались серые проталины, на серых деревьях набухли серые почки. Вдруг одна серая почка лопнула, и показался зеленый листочек! Разве этот листочек был бы таким зеленым, если б я, Серый цвет, не был таким серым? А на серой земле уже распустились ярко-красный тюльпан и лиловый подснежник.

Посмотрите, что происходит утром. Серый утренний рассвет. На сером поле стелется белая скатерть тумана. Разве туман казался бы нам таким белым, если бы утро не было таким серым? На сером горизонте появился красный диск солнца, и все увидели, какой он красивый.

А по вечерам на темно-сером небе сияет серебряная луна, и все говорят: посмотрите, как красиво!

Я, Серый цвет, возникаю раньше тех красок, которые приятны людям, раньше тех красок, которых они ждут. Серым утром люди ждут золотое солнце, серым вечером — серебряную луну. На сером весеннем снегу они хотят увидеть цветы, а на серой осенней грязи — белый снег. Я Серый цвет, и чтоб не видеть меня, люди ищут другие краски.

Рядом со мной все выглядит красивее. Посадите рядом двух ангорских кошек, серую и белую. Какая красивее? Конечно, белая. Если бы не было серого воробья, с кем бы мы сравнивали желтую канарейку? Белые утки красивее рядом с серыми. Пестрые птицы красивее рядом с серыми.

Я Серый цвет. Я помогаю всем цветам. Если они сами не могут обратить на себя внимание, я помогаю им сделать это. Из серого облака я через весь небосклон протягиваю разноцветную радугу. Посмотрите, как она прекрасна!

Я не завистлив и не расстраиваюсь оттого, что сам остаюсь в тени.

Где же вы все-таки можете увидеть меня? Посмотрите на пыль или пепел. А потом возьмите яркую оранжевую пуговицу и положите ее на кучку пепла. Что вы тогда увидите? Яркую оранжевую пуговицу! А за ней? За ней вы увидите меня — пепельный, серый цвет.

Пересказала Т. СЕРКОВА.

Я ПРОШУ СЛОВА

В КОСМОСЕ.
Рисунок Дзинтара АНДЕРСОНА.

Солнце

Рано, рано, рано
И в моем оконце
Показалось солнышко,
Солнце!
До чего красивое
Солнце!
До чего румяное
Солнце!
Красное, багряное
Солнце!
Я иду вперед
К солнцу,
И мешок звезд
Даст мне солнце,
Если я его
Повстречаю.

Угис СЕГЛИНЬШ,
г. Гробиня.

Почему пошел дождь

Лес тихо шелестел и что-то говорил.
Он долго говорил, а ты молчала.
Стояла рядом ты со мною и молчала...
Тучи понемногу сгущались.
— Что ты молчишь? — спросил я у тебя.
Ты посмотрела на меня и улыбнулась. Промолчала.
Дождь пошел.
И мы отправились своей дорогой каждый.
И что-то навсегда исчезло в том молчанье.
Я волновался. Почему?
Ведь ничего со мною не случилось.
Дождь пошел, наверно, оттого, что ты
Молчала.

Дайнис ГУЖА,
г. Рига.

Посвящается Райнису

В листьях деревьев
Сентябрь загорелся,
Зонтики, зонтики —
Яблони ветви.
В нашей памяти
Ты сохранился.
Вот твой памятник,
И у подножья
Цветы, цветы,
Букеты, букеты.
Не зарастет никогда дорога,
По которой идем мы.
Вишню ты посадил у порога —
Никогда она не засохнет,
И вознесется высоко, высоко
Дом, который ты построил.

Марис СЕСКИС,
г. Рига.

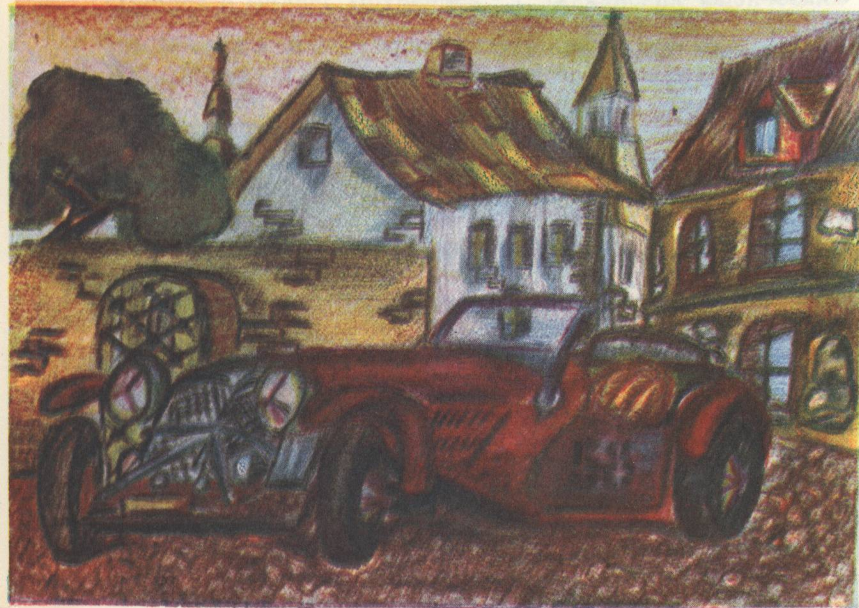
Случай

Шел мышонок по дорожке,
Он украл халвы немножко,
А навстречу заяц шустрый,
Он украл кочан капусты.
Стал стыдить мышонка зайка:
«Ну, мышонок, отвечай-ка!
Крал халву? Какой позор!
Ты, мышонок, просто вор!
Может, этот вот кусок
Кто-нибудь давно берег.
Или был он как награда,
Как кусочек шоколада.
У тебя, мышонок, есть
Стыд и совесть, ум и честь?»
Долго так он говорил,
И ругался, и стыдил.
А кочан капустный вкусный
Прятал за спину искусно.

Вилнис ПУРЕНС,
г. Рига.

Перевела Е. ГУЛЫГА.

СТАРЫЙ АВТОМОБИЛЬ. *Рисунок Юриса ЛИЕПИНЬША.*

ТЕАТР ВО ДВОРЕ, ТЕАТР НА УЛИЦЕ

Я видела разные театры — во время войны сдвигались койки с ранеными, высвобождалась середина госпитальной палаты и становилась сценой. Потом на целине я смотрела представление с грузовика, борта которого откидывались. Люди стояли вокруг, опираясь на лопаты, а за их спинами высились золотые конусы зерна. А совсем недавно в Риге я увидела удивительное представление во дворе, со всех сторон огороженном глухими стенами домов. Прямо во дворе Рижского театра юного зрителя вырос деревенский дом под соломенной крышей с лестницей, ведущей на сеновал. И прямо на снегу под негреющим мартовским солнцем актеры играли сказку латышского писателя Андрея Упита «Парни из Сунциема». Зрители сидели тут же на тесно составленных деревянных скамейках.

И, как бывает в сказке, деревянная скамейка унесла нас в отдаленные времена, в бедную, затерянную в лесах деревушку. Все жители ее несчастны, и все несчастны посвоему: коровы болеют, избы разваливаются, даже сон не приходит по ночам. И вот они опустили руки, примирились с несчастьем, ничего и не пытаются изменить. А если даже мужчины уходят в лес на заработки, они возвращаются ни с чем: по дороге их дочиста обирает нечистая сила. Но находятся в Сунциеме трое парней — Портной Букстынь, Ешка и Андрес, которые берутся добыть счастье для всех. А счастье, по латышским поверьям, приносит шкура медведя, вот они и отправляются на поиски медведя. Трусцой выбегает из ворот настоящая лошадка, запряженная в сани, бежит, взрыхляя снег, мимо зрителей, уносит смельчаков в дорогу.

На ночь парни останавливаются в трактире и видят, как шинкарка со своей дочкой потихоньку выносят все из саней: вот она — нечистая сила, что столько лет грабит сунциемских мужиков. Ну, что ж, они накажут ее за корысть. И они разоряют хозяйство шинкарки: из хлева выпускают поросенка, он бегает по снегу и визжит, из клети достают кролика и отдают его зрителям в первый ряд, и вот он, пушистый, тяжелый, лежит на чьих-то замерших, тесно сдвинутых коленях. И десяток рук тянется отовсюду — дотронуться, погладить это живое тепло.

Тут ведущая просит зрителей пройти с ней в фойе погреться горячим чаем. И хотя это антракт, но спектакль не прерывается ни на минуту. Ребята идут за ведущей, а трактирщица сердится, не пускает, она говорит, что только у нее вкусный чай. В фойе зрителей ждет длинный стол под холстиной, уставленный толстыми белыми кружками с чаем. И только тут понимаешь, что ты замерз и как приятно греть руки о теплые бока кружки. А между тем спектакль «Парни из Сунциема» шел всю зиму и отменялся всего дважды из-за сильных холодов, и то зрители очень обижались.

А пока ведущая помогает самым маленьким, пока бранится шинкарка, мы познакомим вас с режиссером спектакля. Это один из актеров театра юного зрителя, Улдис Пуцитис. Он рассказывает, что родился в деревне, в бревенчатой избе, мир вокруг был деревянный. А дочка его родилась в городе и выросла горожанкой. Но любой, и самый маленький человек должен чувствовать свою землю, корни рода, корни своей страны. Вот и захотелось ему показать дочке и ее сверстникам латышскую деревню с ее историей, мечтами, сказками, перенести ее всю, в национальной одежде, в центр Риги, в городской двор, где проходит детство сегодняшних ребят.

Задача эта увлекла авторов, они бросились по родным и знакомым искать старинную утварь, посуду, одежду. Актеры других театров тоже приняли участие в поисках. Однажды вечером в квартире Улдиса зазвонил телефон, и он узнал голос своего приятеля, актера взрослого драматического театра: «Слушай, я нашел то, что тебе нужно! Понимаешь, банька — в самый раз встанет во дворе театра. Завтра же надо перевезти ее из колхоза имени Ленина. Другой такой не сыщешь!»

И назавтра все участники спектакля поехали в колхоз, по бревнышкам раскатали и перевезли баньку, которая сейчас стоит перед нами.

— А со сколькими лошадьми перезнакомиться пришлось, прежде чем нашли среди них нашу героиню! — говорит Улдис Пуцитис. — Целое лето искали, а встретился я с ней под Ригой, рядышком. Как увидел, сразу понял: «Она!» Она ведь должна быть смирной, покладистой, немножко с юмором, с лукавинкой — крестьянская лошадка, но и героиня сказки. Именно такая наша Ирма — застенчивая, добрая, росточка небольшого, но такая аккуратная, ладная и с хорошим характером. Хозяин сам приводит Ирму на каждый спектакль.

Тут звучит удар колокола. Ведущая рассаживает зрителей на скамьях, и продолжаются приключения храбрецов. В лесу парни встречают цыган. Они меряются силами с молодым цыганом, борются, прыгают через костер. И как ни ловки цыгане, а наши герои побеждают их. И цыгане открывают им секрет: медвежья шкура есть у барина, у немецкого барона. Немецкий барон в латышских сказках — фигура смешная, комическая, очень уж долго мучились латышские крестьяне под гнетом немецких помещиков, а в сказках отвели душу, посмеялись над ними всласть. Так в каждой народной сказке заключены и история народа, и склад характера, и его юмор.

Много ловкости и смелости понадобилось героям, чтоб привезти медведя в родную деревню. За время путешествия они и других людей повидали и поумнели, должно быть. Потому что сами открыли секрет счастья. Он оказался так мудр и прост, как бывает в сказках: нельзя разрешать себе лениться, душа должна работать, руки действовать. Набейте тюфяки свежей соломой — и сон ваш станет сладок, не ленитесь носить коровам воду из родника — они будут здоровы. Счастье — в руках самого человека. Радуются жители Сунциема и бросают снежки в зрителей. В эту минуту каждому кажется, что он один из этих смельчаков, ни в чем им не уступит, и некоторые самые храбрые зрители посылают снежки обратно в актеров.

Просто не верится, что кончилось это замечательное путешествие, что из зрителя деятельного, волнующегося, сопереживающего ты превратился в... пешехода. И просто идешь через двор, обыкновенный городской двор, окруженный высокими глухими стенами, где так необыкновенно, впрочем, пахнет навозом, и косит из-под челочки лукавый глаз Ирмы. Хозяин бережно укутывает ее

Ешка — один из трех храбрецов, что взялись добыть счастье для всей деревни. Его играет Рудольф Плепис.

попоной, а она жует что-то, довольная и веселая, и разрешает всем желающим себя погладить.

Так не хочется расставаться с ощущением чуда, что, расходясь по улице Лачплеша, зрители еще долго оглядываются. Я ловлю себя на том, что невольно заглядываю во все дворы, мимо которых прохожу, будто в каждом из них скрыта тайна. И чудо случилось снова, такой уж это был день — 27 марта. Непременно запомните эту дату.

Заглянув в один из дворов, я увидела пеструю толпу в костюмах и масках, будто сбежавшую из театра Карабаса Барабаса.

И эта веселая, смеющаяся толпа вывалилась на мостовую и двинулась прямо по проезжей части улицы. День был самый будничный, правда, весенний, солнечный день, — люди торопились на работу, в магазины, мамы гуляли с малышами в скверах. Может быть, мне все это кажется? Может быть, воображение сыграло со мной веселую шутку? Среди шумной кукольной толпы (Бегемот бил в барабан, Черт — в литавры, откуда-то

раздавались звуки флейты, прерываемые гудками машин) я нашла человека в обычной одежде и спросила, что происходит. И Владислав Богач, режиссер Рижского театра кукол, объяснил мне, что 27 марта — Международный день театра. Этот день празднуется во всем мире. А в Риге установилась традиция — отмечать его карнавальным шествием. Актеры всех театров, взрослых и детских, оперных и драматических, в масках и костюмах идут в Старый город, к Домскому собору, где на сколоченном ради этого дня помосте играют отрывки из спектаклей.

Наша колонна росла с каждой минутой. Дети как завороженные шли за Обезьяной Чичи и Буратино, и родителям приходилось оттаскивать их за руку на тротуар. Я понимала их всей душой: я так горда была, что куклы Рижского театра приняли меня в свою компанию. Я шагала рядом с Чертом в красном одеянии. Он звонко бил в литавры, и по этому знаку замирали машины, замирали на рельсах трамваи, и на подножку высыпали люди с портфелями. Лица у них сначала были недовольные и вдруг освещались улыбками, и люди махали вслед руками и чувствовали себя детьми, ошеломленными встречей с театром.

И тут растворялись в домах окна, у окон стояли люди, и люди выходили на балконы. И я с гордостью думала: какое это вечно живое чудо — театр, если его невозможно запереть ни в одном доме, даже самом прекрасном, он вечно кипит, переливается на улицы, и радуется, и заставляет радоваться нас. И какое это простое, человеческое чудо, всего-то и надо для него: актер и зритель. А сценой может стать и двор, и улица, и наскоро сколоченный помост на площади под ярким, весенним небом.

И. АНДРЕЕВА.

Фотография Ю. Иконникова.

Опыт Большого Дога

ЮМОРЕСКА

Пока было холодно, ученики в школе для зверят прилежно учились. Большой Дог мог быть доволен ими. Но с первыми лучами весеннего солнца школьники стали прогуливать уроки, забросили домашние задания.

Большой Дог — уважаемый всеми, выдержанный учитель — все больше сердился и раздражался по любому поводу.

— Что это здесь набросали? — грозно спросил он Белую Козочку.

Козочка виновато опустила белую головку.

— А это что за грязь? — Дог взял с парты грязную тетрадку Поросенка...

Только Домашняя Кошечка продолжала прилежно учиться. Она никогда не опаздывала на занятия и все аккуратно записывала в тетрадку.

Но однажды и она пришла в школу с невыученными уроками. Да еще стала доказывать, что и человеческие дети сейчас не учат уроков.

— Не может этого быть! — возмутился Большой Дог.

... А тем временем приближались экзамены в единственной школе для зверят, ее называли опытной.

Но какой опыт возможен с лентяями?! Как-то раз Большой Дог услышал разговор учеников. Говорила, вернее мурлыкала, Кошечка. Остальные слушали.

— Я вам скажу, как это называется! — торопилась сообщить Кошечка.— Шпаргалки!

— Ме, шпаргалки,— повторила Козочка.

— А что с этими шпаргалками делают?!

Кошечка рассказала все, что знала, все, что видела в школах у человеческих детей.

— Ну, а как ими пользоваться?

Этого она, к сожалению, не могла объяснить. Но обещала узнать.

Большой Дог услышал, как его ученики решили:

— Сделаем шпаргалки и мы!

Ученики занялись шпаргалками. Они листали учебники, внимательно изучали дополнительную литературу.

Наконец, наступил первый день экзаменов. Кошечка к тому времени узнала, как пользоваться шпаргалками, и научила этому своих друзей.

Все уселись в классе на свои места и принялись тщательно прятать свои шпаргалки.

Вошел Большой Дог. Он сказал:

— Кто положит на мой стол свои шпаргалки, того я не буду спрашивать, а просто поставлю тройку. Кто хочет другую отметку—будет отвечать.

Опыт прошел прекрасно.

Ученики выложили на учительский стол ролики и гармошки своих шпаргалок и прекрасно рассказали о том, что в этих шпаргалках написано.

Позже, когда опыт Большого Дога и его учеников стали применять и в других школах, слово «шпаргалка» заменили словом «конспект».

Э. КАЛНЕ.

Ты слышишь сигнал горна?

„Всем, всем, всем!"— поет он.

Штаб пионерских активистов „Горн" вновь приглашает тебя

Вожатые пионерского лагеря ЦК ЛКСМ Украины «Молодая гвардия», в котором учатся работать тысячи ребят-активистов, хотят помочь тебе сделать жизнь в твоем отряде яркой и интересной. Как стать пионером-инструктором? Почему в одном отряде весело живут все, а в другом — только некоторые? От кого это зависит? Как свое увлечение превратить в дело, интересное всему отряду?

СТО ПИОНЕРСКИХ ПРОФЕССИЙ

Разговор об этом ведет сегодня вожатая «Молодой гвардии» Вера ВЕЛИЧКО

Представь себе на минутку, что твой отряд больше не делится на «активных» и «неактивных», что все заняты делом — один проводит репетицию, другой выпускает газету, третий готовится к политинформации... Сегодня отряд слушает рассказ о музыке, во вторник встречается с летчиком-испытателем, на следующей неделе устраивает шуточные спортивные соревнования... И все это организуют не взрослые, а твои товарищи.

Чтобы твой отряд жил такой интересной жизнью, нужны люди разных профессий. Профессий пионерских...

Тот, кто сумел овладеть секретами одной из них и передает свои умения другим, — тот и есть пионер-инструктор.

Профессий пионерских много: режиссер школьного театра, корреспондент стенной газеты, активист КИДа, барабанщик, командир батальона зарничников, ведущий дискотеки, председатель филателистического клуба...

Пионеры-инструкторы не ждут, пока классный руководитель или старшая пионервожатая подскажет им, как подготовить поход или провести вечер сказок. Пионер-инструктор действует самостоятельно. Он выдумщик и фантазер, но при этом он мастер своего дела. Ведь если ты хочешь чем-то заинтересовать ребят, ты должен знать об этом очень много, иначе они тебя слушать не станут.

Как же начать?

Допустим, ты собираешь марки, посвящен-

ИДЕТ ВСЕСОЮЗНЫЙ МАРШ «ПИОНЕРЫ ВСЕЙ СТРАНЫ ДЕЛУ ЛЕНИНА ВЕРНЫ!»

ные русскому искусству. Принеси кляссер в школу, расскажи ребятам о самых интересных марках, о том, как ты начал собирать их. Если ты сумел заинтересовать ребят — это твоя первая победа. Скоро ребята привыкнут, что в отряде появился филателистический клуб, что ведешь его ты.

Конечно, одному тебе будет трудно. Ты сделай так, чтобы ребята тебе помогли. Пионер-инструктор должен не только проводить сборы, организовывать и устраивать походы и конкурсы — он должен учить своих товарищей по отряду, октябрят из подшефного класса, друзей во дворе всему, что сам знает и умеет.

Послушай, как звучит здорово: диск-жокей пионерской дискотеки.

В дискотеке можно и потанцевать, и послушать музыку, и узнать о новых певцах и ансамблях.

Ведет дискотеку диск-жокей. Он следит за аппаратурой, меняет записи, рассказывает о певцах и ансамблях. Если диск-жокей человек веселый и шутить любит, то «публика» на таких вечерах никогда не заскучает. Очень важно сделать так, чтобы один вечер от другого отличался и по теме и по программе.

«Вальсы Штрауса», «Романсы Чайковского», «Новинки советской эстрады», «Взвейтесь кострами, синие ночи», «Что такое джаз?» — тему придумать легко. Гораздо труднее найти материал для рассказа: нужно перебрать кучу газет и журналов, прочитать массу книг...

У настоящего диск-жокея есть свое «досье». Досье — это вырезки из газет и журналов, выписки из книг, фотографии, подобранные в хронологическом порядке. Чтобы вести такое «досье», нужно внимательно следить за периодическими изданиями, такими, как «Ровесник», «Студенческий меридиан», «Огонек», «Комсомольская правда», «Советская культура», «Неделя», «Литературная газета», где очень часто появляются материалы об известных эстрадных исполнителях и ансамблях у нас и за рубежом. Диск-жокеем может быть только музыкально образованный человек, а не тот, кто просто запомнил названия опер и ансамблей, фамилии композиторов и певцов. Диск-жокей должен уметь шутить, веселиться, танцевать. Диск-жокей — это хозяин дискотеки, а хозяин должен быть гостеприимным...

Дискотека — дело новое, и от каждого диск-жокея требуется изобретательность, фантазия, выдумка...

Конечно, есть такие пионерские профессии, обучиться которым можно только в Доме пионеров или в школе пионерского актива: барабанщики, горнисты должны овладеть всеми тонкостями пионерского ритуала, знать все сигналы горна и барабанные марши. Кстати, штаб «Горн» уже проводил занятия барабанщиков и горнистов (журнал «Пионер» № 8 за 1978 г.).

Пионером-инструктором может стать каждый, кто хочет, чтобы жизнь в отряде была интересной и увлекательной, каждый, кто может научить товарищей своей пионерской профессии.

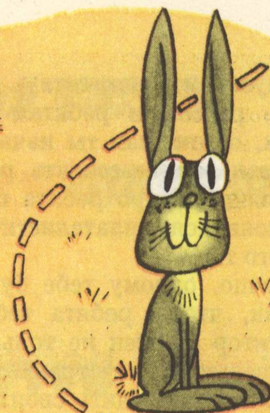

Рисунок Л. НАСЫРОВА.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель. Чем занимались первобытные люди?

Ученица. Грелись у костра.

Яна Никулина,
г. Москва.

* * *

Учитель. Расскажи нам об Иване Грозном.

Ученик. Иван Грозный в прошлом был Ярославом Мудрым.

Галя Виклашова,
г. Владимир.

НА УРОКЕ ГЕОМЕТРИИ

Учитель. Что такое параллелограмм?

Ученик. Это квадратик перекошенный.

Оксана Тимошенко,
г. Днепропетровск.

НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Учительница. Опиши одежду запорожцев.

Ученик. На голове они носили чубы.

Рахман Саибов,
г. Канибадам,
Таджикская ССР.

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учительница. Как называют линию, которую описывает тело при своем движении?

Ученик. Дорогой.

Сергей Репин,
г. Уральск.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Расскажи о природе Аравии.

Ученик. В Аравии земля занята полупустынями, на которых растут сухие степи.

Алина Назаренко,
г. Симферополь.

В МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Учительница. В каком темпе играют и танцуют венгерский танец?

Ученица. ...Во второй части танца темп быстро нарастает. Нарастает, нарастает, так, что никто не может удержаться на ногах!

Фарида Майленова,
пос. Азнакаево,
Татарская АССР.

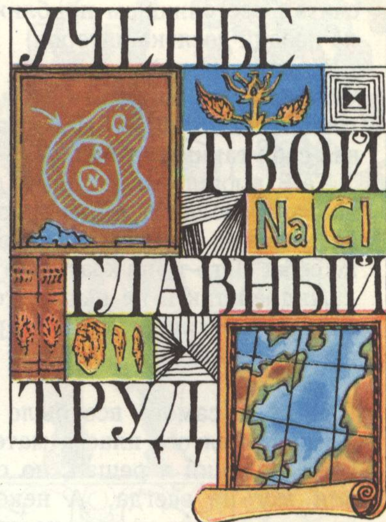
Из школьных сочинений

«Глаза его сверкали смелостью и живописью».
«Его белокурое лицо немного лысовато».
«На освещенной поляне сидел серый заяц, большие глаза и уши которого стояли торчком».
«Его волосы были разбросаны по всей голове».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменке» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Всякое дело продвигается быстрее, если делаешь его увлеченно, с интересом. Но как увлечься такой серьезной и трудной наукой, как математика? Об этом мы попросили рассказать старшего преподавателя Обнинского филиала МИФИ, председателя Обнинского городского школьного математического общества, командира юнкоровского отряда «Солярис» Александра ЮРЧЕНКО.

УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ТРУДНОСТИ

Андрей математику не любил. Не то, чтобы она ему не давалась. Нет. Но сидеть над примерами, думать над задачами значило для него терять время.

Зато почудить Андрей был всегда рад. И когда в шестой «А» на уроки математики пришла молоденькая учительница-практикантка, Андрея осенила идея.

Однажды, когда весь класс (а может быть, и не весь) усердно делил и множил степени с одинаковыми основаниями, Андрей поднял руку. Практикантка подошла к нему. Андрюша посмотрел на нее своими честными-пречестными глазами и попросил: «Алла Никитична, вот задачку решить не могу. Помогите, пожалуйста». Та склонилась над партой. Перед Андреем лежала тетрадь с аккуратно сделанным чертежом к довольно трудной геометрической задаче. Такие задачи решают в десятом классе да и то только самые сильные ученики. Здесь же вся страница была исписана почерком Андрея, а заполняли ее сложные формулы и труднейшие преобразования.

Задача была почти решена. Остался последний шаг, требовалось применить сложную формулу. Еще минуту назад Алла Никитична, не задумываясь, написала бы ее, но сейчас формула вылетела из головы, как птица из открытой клетки. Она почувствовала, что краснеет. Стараясь сохранить самообладание, сказала: «Нельзя, Андрюша, отнимать время у класса. Подойди ко мне после уроков. А пока подумай сам. Можешь не решать примеры».

Андрей торжествовал. Само собой, он не стал решать примеры. А задача? Старший брат Сергей, студент университета, написал ее по просьбе Андрея вместе с решением.

После уроков Алла Никитична сразу же убежала в учительскую — смотреть учебник тригонометрии. Быстро нашла нужную формулу. Но Андрей не пришел. К этой минуте он уже и думать забыл об удачном розыгрыше.

Однако на следующий день Алла Никитична сама напомнила ему о задаче. «Андрюша, — раздав задания, тихо сказала она, — почему ты не подошел ко мне?» «Я... я... я сам решил». «Какой ты молодец, Андрюша. Ты любишь решать интересные задачи? Я тебе принесла одну». И она положила на парту листок с необычным уравнением: $x^2 - 2x \cdot \cos(x + y) + 1 = 0$. Этого он не ожидал. Розыгрыш удался слишком хорошо.

Дома, вынимая тетрадки, Андрей выронил злосчастный листок. «Серега, посмотри-ка!» — позвал брата, корпевшего над чертежом. Тот подошел, хмыкнул: «Тригонометрия», — черкнул прямо на листке несколько формул, потом бросил карандаш. «С лету не получается. Наверное, трудная. Думать надо». «Так подумай». «Некогда. Сейчас самая запарка». Андрей смял листок и отбросил в сторону.

Сделав уроки, снова наткнулся на злосчастный листок. Почему-то разгладил ладонью, вспомнил восторженные глаза учительницы, прислушался к крикам, долетавшим со двора («Эх, хорошо бы сейчас погонять мяч!»), тяжело вздохнул и полез в шкаф за учебником тригонометрии, оставшимся еще со школьных дней Сергея.

Учебника тригонометрии оказалось мало. Андрей наткнулся на квадратные уравнения и полез в «Алгебру», в «Геометрии» теорему Пифагора разыскал.

На следующий день Андрей снова не вышел во двор. А когда до встречи остались только сутки, Андрюша, сославшись на головную боль, даже в школу не пошел. Почти весь день провозился он с математикой. Сжевал килограмма три яблок, устал зверски, но к вечеру решил-таки злосчастное уравнение.

Узнав об этом, Алла Никитична совсем расцвела и тут же вручила Андрею листок с новыми задачами.

И началась новая жизнь. Вместо игр и прогулок Андрей сидел над учебниками, зубрил формулы, мучился над задачами. Ему ставили пятерку за пятеркой, а он только и мечтал о том времени, когда в класс вернется старая опытная Нина Михайловна.

Однажды этот день наступил. Нина Михайловна начала с контрольной на степени и сокращения дробей. Андрей знал материал, но под-

считал все слишком приближенно. Двойка встала позади десятка пятерок.

Придя домой, Андрей запихал подальше учебники по математике и до позднего вечера гонял мяч во дворе. Никогда еще он не чувствовал себя таким свободным.

Так прошло несколько дней. Но однажды, наскоро сделав домашние задания и уже подойдя к двери, Андрей остановился. Ему стало не по себе. Чего-то не хватало в жизни...

Андрей так и не вышел тогда во двор: разбирался в логарифмах. А впереди еще была высшая математика...

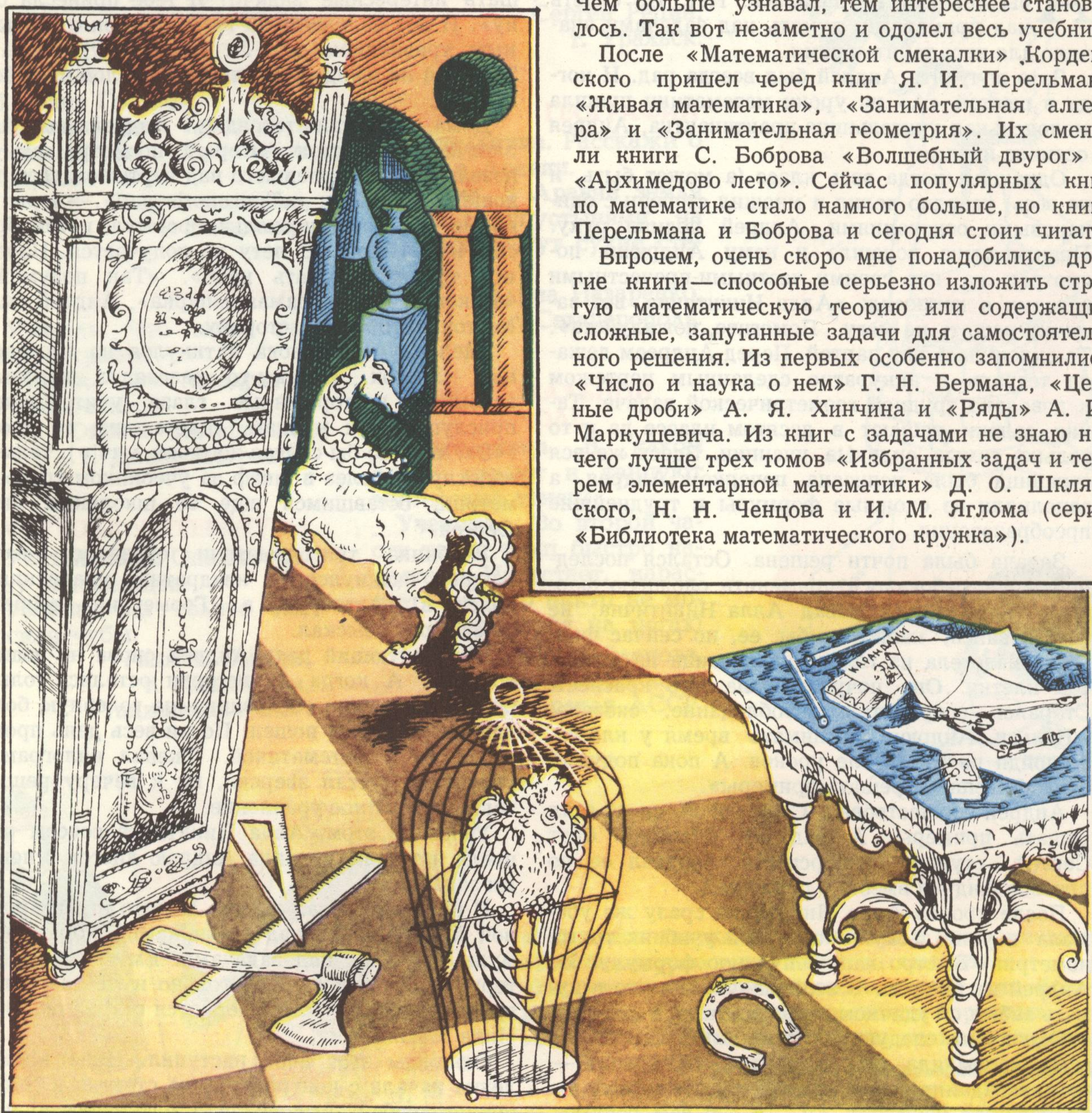
У меня самого все было совсем по-другому. До конца пятого класса математика у меня шла туго. Задачки я решал, но объяснить ход решения мог не всегда. А некоторые темы, вроде пропорций, мне ужасно не нравились.

В школе, где я учился, математического кружка не было. Дополнительные занятия проводились только для двоечников, а я к ним не относился. Так что подтолкнула меня к математике, пожалуй, только любовь к чтению. Читал я тогда много и самое разное. Однажды, уж не помню почему, взял в библиотеке «Математическую смекалку» Б. А. Кордемского. Книга меня поразила. Во-первых, задачи. Необычные, интересные, даже веселые. В школе мы таких не решали. Во-вторых, новые, неизвестные факты. До сих пор помню, как удивился, что бывают треугольные, квадратные и вообще фигурные числа.

С тех пор без книг по математике я из библиотеки не возвращался. В школе тоже дело пошло. С шестого класса появились у нас новые предметы: геометрия и алгебра. Алгебра мне особенно понравилась. С самого начала, готовя дома уроки, забегал на один-два параграфа вперед. Справлялся с заданием и читал дальше. Чем больше узнавал, тем интереснее становилось. Так вот незаметно и одолел весь учебник.

После «Математической смекалки» Кордемского пришел черед книг Я. И. Перельмана «Живая математика», «Занимательная алгебра» и «Занимательная геометрия». Их сменили книги С. Боброва «Волшебный двурог» и «Архимедово лето». Сейчас популярных книг по математике стало намного больше, но книги Перельмана и Боброва и сегодня стоит читать.

Впрочем, очень скоро мне понадобились другие книги — способные серьезно изложить строгую математическую теорию или содержащие сложные, запутанные задачи для самостоятельного решения. Из первых особенно запомнились «Число и наука о нем» Г. Н. Бермана, «Цепные дроби» А. Я. Хинчина и «Ряды» А. И. Маркушевича. Из книг с задачами не знаю ничего лучше трех томов «Избранных задач и теорем элементарной математики» Д. О. Шклярского, Н. Н. Ченцова и И. М. Яглома (серия «Библиотека математического кружка»).

Читал я старательно, непонятные места перечитывал по нескольку раз, многие из доказательств повторял самостоятельно. Рассуждения и выкладки учился проводить в уме, без карандаша и бумаги. Это давало возможность заниматься не только за столом. Я очень любил (и сейчас люблю) кататься на велосипеде. В школьные времена я частенько во время таких поездок разбирал в уме какую-нибудь теорему, искал решение трудной задачи. Воспоминания об этом — одни из лучших воспоминаний моей жизни.

Именно тогда я открыл для себя математику, открыл сам, без кружков, факультативов, открыл удивительный мир, поразительно гармоничный и прекрасный, мир высшего всевластия человеческой мысли, и, открыв его, уже не мог больше без него жить. Многое, почти все еще было впереди, но главное уже свершилось — я увлекся математикой. И сейчас я завидую тем ребятам, которые в первый раз берут в руки математическую книгу, которым еще только предстоит узнать о комплексных числах и интеграле Лебега, о цирюльнике, который то ли бреет, то ли не бреет самого себя, о том, что «дважды два — четыре», все-таки может быть доказано, и еще о многом-многом другом! И как горько за тех, кто этого никогда не узнает.

В заключение хочу предложить вам некоторые из тех задач, которые сам я решал в детстве.

1. Имеется пять спичек. Прибавить к ним еще пять спичек, чтобы получилось три.

2. Двумя ударами топора разрубить подкову на шесть частей, не перемещая части после удара.

3. Можно ли ходом шахматного коня попасть из левого нижнего угла шахматной доски в правый верхний, побывав на каждом поле ровно один раз?

4. Можно ли шесть круглых неотточенных карандашей расположить так, чтобы каждые два из них прикасались друг к другу? А семь?

5. Математик попал на остров, населенный двумя племенами. Представители одного племени всегда говорят правду, представители другого всегда лгут.

Путешественник подошел к развилке дороги, и ему пришлось спросить у оказавшегося поблизости местного жителя, какая из двух дорог ведет в деревню. Ему было неизвестно, с представителем какого племени он разговаривает. Тем не менее, задумавшись на минутку, он задал единственный вопрос, из ответа на который точно узнал, по какой дороге идти. Какой вопрос был задан?

6. Разделить угол в 19° на 19 равных частей с помощью циркуля и линейки.

7. — Ручаюсь,— сказал продавец в зоомагазине,— что этот попугай будет повторять любое услышанное слово.— Обрадованный покупатель приобрел чудо-птицу, но, придя домой, обнаружил, что попугай нем, как рыба. Тем не менее продавец не лгал. В чем же дело?

8. Часы были поставлены правильно в 12 часов дня, но стрелки перепутаны: часовая находится на оси минутной, а минутная на оси часовой. Когда часы впервые снова покажут точное время?

Может быть, и кому-нибудь из вас эти задачи покажутся интересными и захочется их решить. Пишите нам, присылайте решения.

САМИ О СЕБЕ

А все из-за уроков...

Спортом я не занимаюсь. Музыкой тоже. Даже книги читать не успеваю. Почему? А все из-за уроков. Посудите сами, вот придешь из школы, приберешься, погуляешь и сядешь заниматься. Уроков вроде мало — две задачи и упражнение. Но едва соберешься, придет друг, поговоришь с ним и вспомнишь, что по телевизору передача хорошая начинается. Посмотришь передачу, начнешь делать упражнение и вдруг рисовать захочется. Порисуешь немного. Тут и родители пришли. Надо сказать, что уроки не сделал, а не могу: кино смотреть не разрешат. А после кино спать пора. Назавтра задачи и пол-упражнения приходится списывать. И как некоторые успевают и на музыку ходить и спортом заниматься? Да, верно Алла Пугачева поет — трудно стало учиться.

Гера ПЕТЕРС, 7-й класс, г. Тбилиси.

Ида СУХАРЬ,
лауреат Всероссийского конкурса на лучшее художественное произведение для детей

ДОБРОЕ СЕРДЦЕ АЛИБЕКА

Рисунок В. ДУДКИНА.

Маленький Алибек пригласил своих одноклассников на лето в степь. Ребята ухаживали за ягнятами, ловили рыбу в озерах. Гордостью Алибека был его любимый конь — Баранбай. Алибек спас его от зимней стужи, когда Баранбай был еще жеребенком. С тех пор они не расставались.

...Ребята только что выкупали коней и отпустили их в степь. Кони отфыркивались, отряхивались. А Баранбай лег на спину и весело перекатывался с боку на бок. Ребята улыбались, глядя на него. Вдруг конь резко вскочил и громко заржал. Он не мог стоять на месте, бил копытами, кружился, пытался мордой дотянуться до своей спины.

— Жлынь! [1] — сказал Алибек.

— Его змея укусила! — крикнул Коля.— Вася, скачи скорее к стойбищу, зови дедушку Ахмета и дядю Костю.

Вася ловко вскочил на Серого и поскакал. Вскоре прибежали дедушка Ахмет и дядя Костя. Дядя Костя размотал аркан и одним махом накинул его на Баранбая. Когда конь упал, дедушка Ахмет сразу нащупал у него на спине шишку.

— Костя, помоги мне! Надо яд выдавить и перетянуть беднягу жгутом,— попросил дедушка Ахмет.

— Может, в ветлечебницу отвести? — предложил дядя Костя.

— Дедушка, разреши мне отвести Баранбая? Ну, пожалуйста,— просил Алибек, поглаживая белую звездочку на лбу своего любимца.

— Хорошо, Алибек! Ты его поведешь. Только будь осторожен, веди его напрямик, так ближе,— сказал дедушка Ахмет.

Баранбаю помогли подняться на ноги. Конь послушно зашагал за Алибеком. Шли медленно. Солнце палило беспощадно. Баранбай вяло переставлял ноги.

— Но-о-о! Баранбай, еще немного! — умолял Алибек.

У лесопосадки Баранбай неожиданно лег. Как ни уговаривал его Алибек, конь не поднялся с места.

— Полежи, полежи, дружок. Я тебе доктора сюда приведу! — Мальчик привязал коня за уздечку к дереву и побежал. Баранбай жалобно заржал, словно звал Алибека. Мальчик оглянулся и крикнул:

— Я скоро вернусь, Баранбай. Не грусти!

Алибек еще быстрее побежал в сторону поселка. Слезы текли у него по щекам.

«Хоть бы доктор на месте был! Хоть бы он был!» думал Алибек. На бегу он неожиданно споткнулся и упал. В кровь расшиб колено, но встал и побежал дальше. Добежав до ветлечебницы, с порога крикнул:

Доктор, доктор, пожалуйста, помогите!

О-о-о, колено расшиб, ничего страшного, сейчас поможем,— успокаивал его доктор.

— Нет! Не мне! Там у лесополосы мой конь, мой Баранбай лежит. Его жлынь ядовитая укусила. Он умирает. Доктор, быстрей, пожалуйста! — сквозь слезы просил Алибек.

— Когда? — спросил доктор.

— С полчаса назад! — ответил мальчик.

— Не волнуйся, поможем твоему Баранбаю! — спокойно сказал доктор.

Он надел халат, взял деревянный сундучок, положил в него коробочку с лекарствами, сел на подводу, которая стояла у ветлечебницы, и потянул вожжи:

— Ну, где твой конь, показывай!

Баранбай, увидев Алибека, заржал.

Доктор сделал укол, похлопал коня по спине.

— Ничего! Выживет! Но дня на три придется его в ветлечебнице оставить.

— Нет, одного его не оставлю, я с ним буду! А дедушке письмо с почтальоном отправлю! — твердо заявил Алибек.

Прошло три дня.

Алибек стоял и гладил Баранбая, когда подошел ветврач. Улыбаясь, врач сказал:

— Забирай скакуна своего. Он у тебя герой, береги его! Да и ты молодец — вовремя привел коня.

Алибек сел на коня и поскакал по степи.

[1] **Жлынь** — по-казахски змея.

Алибек увидел совсем маленького волчонка. Он жалобно скулил в траве.

Ехали не торопясь: мальчик жалел еще не окрепшего коня. Около степного оврага Баранбай резко отскочил в сторону.

«Опять жлынь!» — подумал Алибек. Он нагнулся и увидел неподвижно лежащего волка. Алибек вздрогнул: кто-то жалобно скулил в траве. Но волк был неподвижен.

«Мертвый, что ли?» — подумал Алибек.

Он быстро спрыгнул с коня, подошел поближе и увидел неподалеку совсем маленького волчонка, который беспомощно тыкался мордочкой в живот неподвижной волчицы.

Алибек хотел было взять волчонка в руки, но тот зарычал и оскалил зубы. Тогда Алибек снял рубашку, ловко набросил на волчонка, завернул, вскочил на коня и — только его и видели!

— Алибек едет! — услыхал он голос Васи, подъезжая к стойбищу. Ребята побежали ему навстречу.

— На, возьми! — протянул он Коле сверток.

— Что это? — удивился Коля.

— Каскыр маленький! — отвечал Алибек.

— Ай, вай, вай! — замахала руками бабушка Айгуль. — Каскыр! Зачем тебе еще каскыр! И безногий барсук у тебя живет, и хромой заяц... Не надо каскыра. Он вырастет — всех овец сожрет!

— Ты что, бабушка. Он же совсем маленький! Я его выхожу, выращу и в степь отпущу. Волки, бабушка, очень полезные. По радио передавали, что они санитары! — сказал Алибек.

— Ну хорошо, пусть поживет у нас. — Бабушка Айгуль подошла к коню. — Я рада, что у тебя доброе сердце. Ты не только Баранбая нашего вылечил, но и волчонка беспризорного на дороге подобрал... Молодец, внучек мой!.. Пусть и для тебя жизнь обернется добром!

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой

Попугаи — Вик, Ти, Чит,
Бойкий Би и Аца,
Кто кого перекричит,
Стали состязаться.
На столько мест отстал
От Би зеленый Ти,
На сколько ниже Чит
Стоит, чем Ви,— учти,
Что также ниже Чит,
Чем Ти, хотя и Ти
В таблице не второй!
Да, я забыл, прости,
Сказать, что Аца был
Не первым и не третьим.
Возьми-ка карандаш,
И ты по данным этим
Теперь распределишь,
Как следует, места.
Загадка не сложна,
Хотя и не проста!

ЧУДО!

Новый конкурс Пинцета

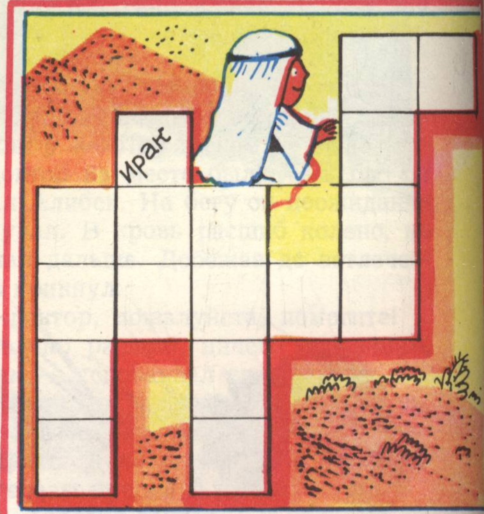
Как нам удалось это сделать? Мы его сложили из марок семнадцати стран: Австрии, Болгарии, Бельгии, Венгрии, Греции, Дании, Ирака, Италии, Нидерландов, Румынии, СССР, Турции, Франции, ФРГ, Чехословакии, Швейцарии и Югославии. Учтите, что рядом могут лежать только марки граничащих между собой государств! Удастся ли и вам справиться с такой задачей? Можем подсказать, что горб верблюда из марки Ирака.

Примечание: для ответов достаточно вписать в клеточки названия стран. А победители за хорошие, красочно оформленные ответы получат кляссеры с марками. Ответы присылать до 30 июня 1980 года.

Пинцет.

Игры Лупы и Пинцета

Вот так чудо!
Вот так чудо!
Час мы мучались вдвоем,
Но упрямого верблюда
Заманили в свой альбом!

Хитрец

Игры Лупы и Пинцета

Кто на марке справа? Слон!
Сразу видно, это он!
Ну, а кто на марке слева
Притаился средь листвы?
Присмотритесь! Несомненно,
Хитреца найдете вы!

Сколько веток?

Прошу прийти на помощь мне,
В задаче случай редкий:
Сидела белка на сосне,
На самой средней ветке.
Потом вскочила вверх на пять,
Потом спустилась на семь.
(Вы все должны запоминать,
Как на уроке в классе!)
Затем проворно белка вновь
Вскочила на четыре,
Потом еще на девять
И... уселась на вершине!
Сидит и смотрит с высоты
На пни, березы и кусты.
А сколько веток у сосны,
Мы с вами вычислить должны!

Живживка.

Живая очередь

Все больше и больше посетителей становится в нашей палате. Последнее время в нее часто заглядывают даже животные, даже рыбы и птицы. Они приходят очень рано и устанавливают у входа очередь. Вчера у нас побывали ворона, голубь, ехидна, корова, косуля, лосось, навага, павиан, собака, соболь, сорока. В очереди первым стоял голубь, а кто был за ним, в каком порядке стояли десять остальных наших новых друзей,— это вы должны определить сами. Запомните: две буквы у стоящего сзади совпадают с двумя буквами у стоящего перед ним — и так от начала до конца. Все слова читаются по часовой стрелке.

курица
барсук
страус

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 2

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Загадки мартышки, акробата и промокашки. Ответы: **мартышка** — камыш, шрам, арык, карта, штык, крыша, марка, марш; **акробат** — работа, крот, карта, кобра, брат, арка, рота; **промокашка** — паром, окрошка, окоп, комар, кошка, каша, пар, мошка, рак, шар, ромашка.

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

Кто сказал правду. Ответ: правдивыми могут быть слова только желтого карандаша.

Кощеева рыбалка. — Ответ = $5 + 7 + 8 + 9 + 11 = 40$.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Маркобусы. Ответ — Камерун, Испания, Малави.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Ульяновск, набережная Волги.— Рисунок А. Гришина.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 26.12.79.
Подписано к печати 29.01.80. А 10010. Формат 84×60¹/₈.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 650 000 экз. Изд. № 501. Заказ № 1903.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕШКИНА

В столице Киргизии — городе Фрунзе многие ребята увлекаются шахматами.

Добрая слава идет о детской спортивной школе, которой руководят мастера Н. Зильберман и Б. Самаганова. Двести восемьдесят ребят занимаются в этой школе, разместившейся в одном из павильонов парка имени Панфилова. Пешкин, конечно, побывал здесь, подружился с ребятами, узнал много интересного.

Больших успехов добились фрунзенцы на соревнованиях. Чемпионом СССР среди юношей стал воспитанник школы Борис Канцлер. В сборную команду Киргизии, выступавшую на Спартакиаде народов СССР, вошел ученик восьмого класса Таалайбек Иманалиев. Есть среди ребят кандидаты в мастера, шахматисты первого разряда.

(Диаграмма № 1)

Эта позиция возникла в партии, в которой белыми предводительствовал Дамин Токтоков, ученик 20-й фрунзенской школы, а черными — школьник из Грузии Гарозия. Шахматисты сражались на турнире команд детских спортивных школ страны (Самарканд, 1979 год).

Посмотрите — впечатление на первый взгляд такое, что белым надо защищать пешку e3, но Дамин неожиданно организовал прорыв на ферзевом фланге. События в партии развивались так:

39. b4 — b5! a6 : b5.

На 39... Кре5 белые ответили бы 40. с5, и если 40... ab, то 41. Крb4. Найдите сами, как надо отвечать черным на 41. с6.

40. с4 : b5 Кре4 — d5 41. а5 — а6 b7 : а6 42. b5 : а6 Крd5 — с6 43. а6 — а7 Крс6 — b7 44. Крс3 — d4 Крb7 : а7 45. Крd4 — е5 h7 — h5 46. h3 — h4!

Отлично. И в шахматах нельзя жадничать. Если 46. Кр : е6?, то 46... h4 47. gh g4, и белые уходят от поражения.

А после хода в партии им пришлось сдаться.

Хорошо использовал силу проходной пешки ученик 28-й школы Данияр Баимбеков в партии с Сахненко.

(Диаграмма № 2)

25. с5 — с6 Сb7 — а6 26. с6 — с7 Фа2 — е6 27. Фс1 — g5+ Крg8 — f8 28. Фg5 — d8+ Крf8 — g7 29. Фd8 — d4+ Крg7 — g6 30. Фd4 : а7 Са6 : е2 31. Сg2 — f1 Се2:f1 32. Крg1 : f1, и белые выиграли. Их король уходит от шахов, а пешку с7 черным не удержать, она прорвется в ферзи.

Мастер спорта Б. Самаганова ведет занятия в детской спортивной школе города Фрунзе.

ГРАМОТА ВОВЫ ВДОВИНА

В конце прошлого года во Фрунзе проходил турнир первой лиги 47-го чемпионата СССР. Победу оспаривали восемнадцать гроссмейстеров и мастеров. Юные фрунзенские шахматисты были зрителями и болельщиками на этом соревновании, а некоторые из них помогали организаторам турнира.

Отличился ученик пятого класса школы № 41, член совета дружины Вова Вдовин. У него была важная обязанность — демонстрировать партии на больших досках, установленных в зале. Он почти ни разу не ошибся, быстро и точно показывал ход игры.

За хорошую работу Киргизский республиканский спорткомитет наградил Вову грамотой.

ПРОДОЛЖАЕМ НАШ КОНКУРС

В этом номере мы публикуем две задачи старых русских мастеров. Много лет назад эти задачи высоко оценил замечательный русский шахматист М. И. Чигорин.

Напоминаем, что по результатам, показанным на этом нашем заочном соревновании, ребята могут получить спортивный разряд. В предыдущем нашем конкурсе 1979 года более шестисот читателей журнала получили спортивные разряды.

(Диаграмма № 3)

Автор этой задачи — Н. Максимов. Найдите, как белые, начиная игру, дают мат в два хода.

(Диаграмма № 4)

А эту остроумную задачу составил семьдесят пять лет назад А. Бурмейстер. И здесь белые дают мат в два хода.

Пешкин уверен, что задачи понравятся вам и вы пришлете интересные решения. По условиям конкурса решения надо отсылать не позднее чем через месяц после получения журнала.

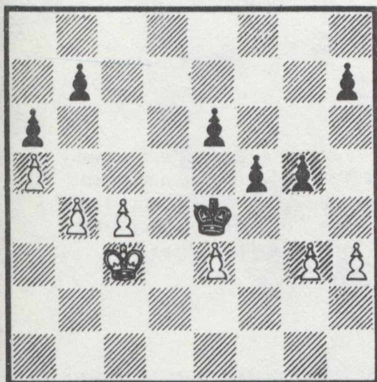

Диаграмма № 1

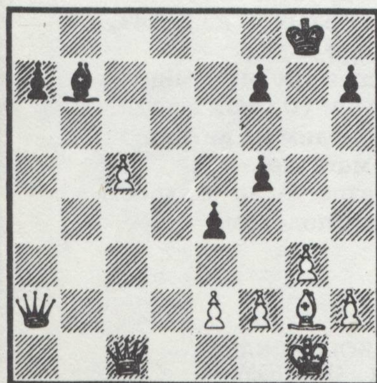

Диаграмма № 2

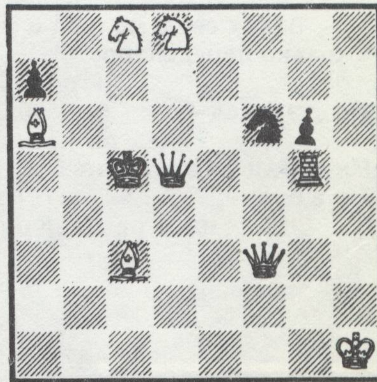

Диаграмма № 3

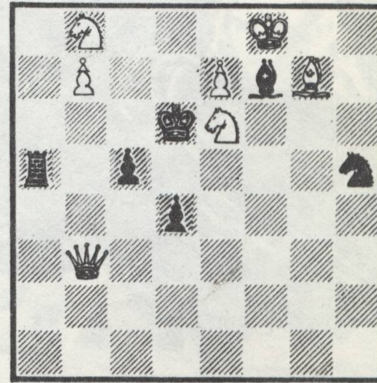

Диаграмма № 4

Ирина ЛЕНЧЕНКОВА очень любит рисовать свою родную Армению и сочинять стихи о ней. Она живет в городе Арташат и учится в 6-м классе.

Рисую

Я рисую новостройки,
Леса, сады, поля.
Пусть прекрасней будет наша
Щедрая земля.
Я рисую наши горы,
Села, водопад.
А в горах стада пасутся,
Зреет виноград.

*

Это стихотворение Ирада АБДУЛАЕВА, семиклассница из г. Баку, посвятила своей бабушке. «Наверное, это стихотворение можно посвятить всем бабушкам, живущим в деревнях и селах»,— пишет нам Ирада.

Руки бабушки

Вот они, руки,
моей бабушки руки,
Все в морщинках, словно
в бороздках,
Распахало их время.
Они шершавы,
а не гладки,
И от них исходит
хлебный дух,
Запах сена, молока и мяты.
Сколько переделано
этими руками,
Не старайся —
дел не перечесть,
Не могли лежать они без дела
Ни в будни,
ни в праздничный день.

*

Жанна ШИНТАЕВА из поселка Ново-Алексеевка пишет: «У нас очень хорошая, дружная семья, мы все любим друг друга. Вот только я иногда бываю непослушной, но я постараюсь вырасти такой, как папа и мама».

Моя семья

Мама добрая у нас,
Папа строгий очень,
Брат хороший у меня,
Ну, а я?
Не очень.

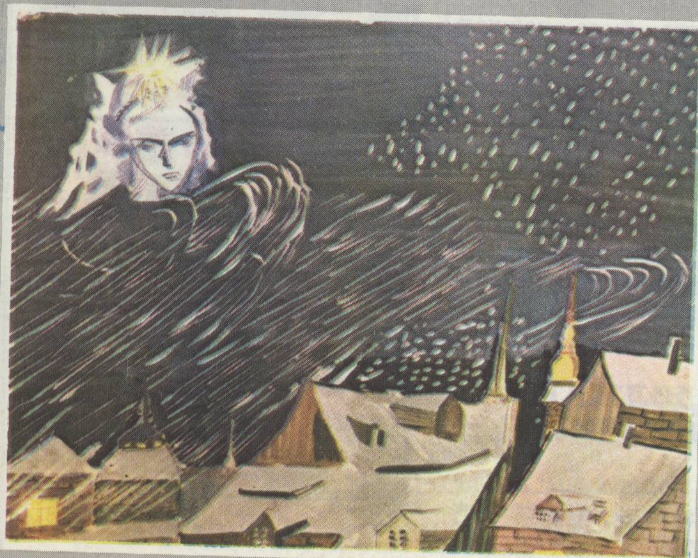
*

«Я хочу рассказать в своем стихотворении о моем друге Вове Ершове,—пишет Андрюша ТАТАРИНОВ из Перми. — Мы с ним никогда не расстаемся. Наша дружба на всю жизнь».

Дружба

Семь лет мы дружим с ним вдвоем,
Поссорить нас нельзя.
Вдвоем поем, молчим вдвоем.
Мы верные друзья.
У нас и радость на двоих,
И горе, и беда.
Я знаю, в трудную минуту
Мой друг со мной всегда.
Мы вместе ходим на каток,
В кино и в магазин.
А станем взрослыми — вдвоем
Мы в космос полетим!

*

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА
ЛЕТИТ НАД ГОРОДОМ.

Рисунок Олега КОМЕЛЬ. Олегу 14 лет, он живет в Ульяновске.

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

ISSN 0130—8009

Цена 25 коп. Индекс 70694.